

СПЕЦВЫПУСК

ЯНВАРЬ/2018
УКРАИНА

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

СОВЕРШЕННО №1 (142)

СЕКРЕТНО

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

12

ДЕЛО ДОЧЕРИ
МАРШАЛА БЛЮХЕРА

СУДЬБА

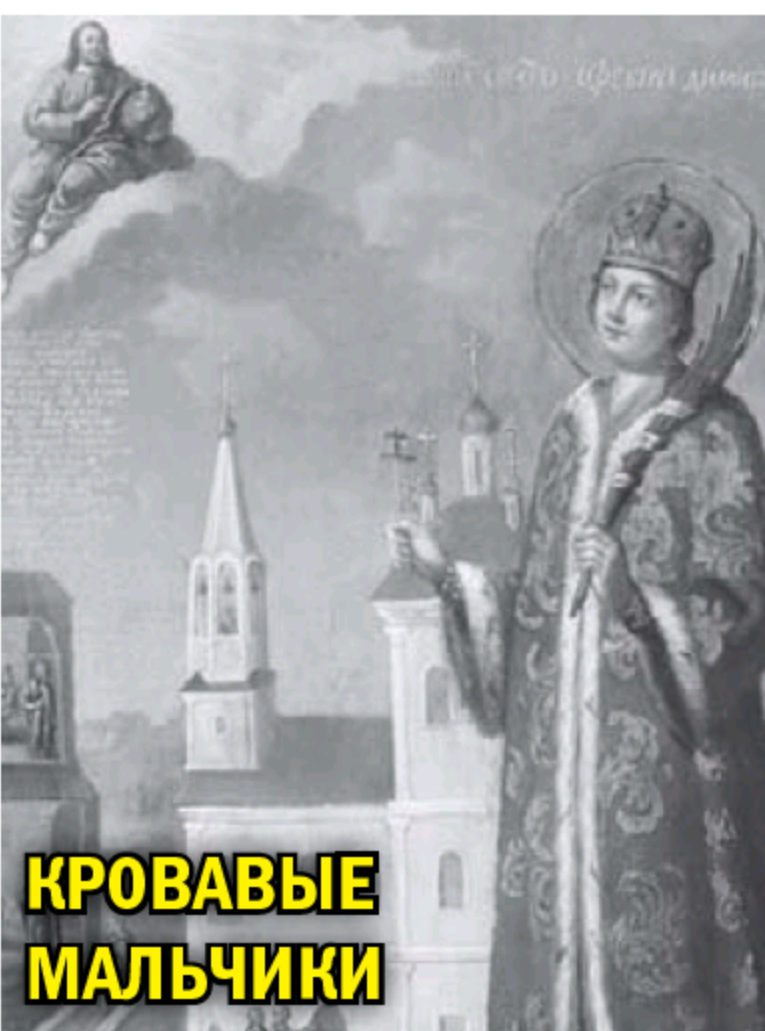
18

СТАРШИЙ СЫН
АНДРОПОВА

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

22

КРОВАВЫЕ
МАЛЬЧИКИ

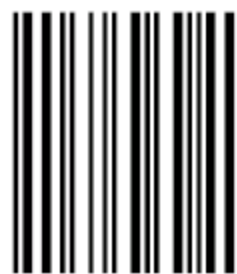
ДОЧЬ
СТАЛИНА

ПЕРВАЯ
ИСПОВЕДЬ

ISSN 2070-884X

1 8 0 0 1

9 772070 884002

Первая исповедь Светланы Аллилуевой

Газета «Совершенно секретно» публикует воспоминания дочери Сталина, написанные в 1965 году и ставшие основой для её скандальной книги «20 писем к другу», изданной при содействии ЦРУ в 1967 году

Николай НАД

Специально для «Совершенно секретно»

В 1967 году в ФРГ и в США были опубликованы мемуары дочери Сталина Светланы Аллилуевой. «Спасибо ЦРУ — они меня вывезли, не бросили и напечатали мои «Двадцать писем к другу», — вспоминала Светлана Аллилуева, ставшая в эмиграции Ланой Питерс. ЦРУ тогда помогло издать эту книгу в качестве изящного подарка Кремлю, к 50-летию Октябрьской революции. Сегодня, спустя 50 лет после выхода «20 писем к другу», газета «Совершенно секретно» публикует дневниковые записи дочери Сталина. В отличие от популярной и многократно переизданной книги у этих записок, состоящих из 6 глав, есть одно несомненное преимущество — они не замутнены политикой и редактурой советологов из Лэнгли. В них дочь великого, мудрого и ужасного «отца народов» просто вспоминает о своей жизни и своём отце. В отдельных местах эти воспоминания Аллилуевой гораздо острее и точнее, чем её же книга, поскольку они не подвергались американской цензуре. Эти записки попали в редакцию газеты «Совершенно секретно» благодаря историку и журналисту Николаю Наду (Добрухе). Он принёс в редакцию 17 пожелтевших от времени страниц убористого, напечатанного на машинке текста, это был так называемый самиздат середины 60-х годов прошлого века. Это первая неподцензурная исповедь Светланы Аллилуевой. Вторая исповедь всем известна — она, отредактированная и оформленная в виде писем, была издана на Западе. Впрочем, лучше об этой архивной истории расскажет сам исследователь Николай Над.

«МОЖЕТ БЫТЬ, КОГДА Я НАПИШУ ТО, ЧТО ХОЧУ НАПИСАТЬ, ТО ЗАБУДУСЬ»

Самиздатский экземпляр дневниковых записей Светланы Аллилуевой, сделанный на печатной машинке, достался мне благодаря многолетнему доверительному знакомству с высокопоставленными работниками госбезопасности разных поколений (в том числе и с бывшими председателями КГБ СССР). В итоге после долгих лет поисков и расспросов, когда я уже и перестал искать, в моё распоряжение чудом (в качестве услуги за услугу) попал жёлтый от времени и зачитанный местами (в прямом смысле) до дыр экземпляр самиздата с оригинала исповеди Аллилуевой, датированной августом 1965 года. Название «письма» появилось потом, через 2 года, на Западе, а тогда, в Москве, в Жуковке, Светлана представляла свои воспоминания как «одно длинное-длинное письмо».

Для начала напомним детали времени. В конце декабря 1966 года Светлане разрешили выезд в Индию, чтобы она смогла сопроводить прах своего умершего гражданского мужа Баджеша Сингха. А в начале марта 1967 года Аллилуева «выбрала Свободу», попросила политического

ЖУРНАЛИСТ И ИСТОРИК НИКОЛАЙ НАД ВО ВРЕМЯ ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ ПРЕДСЕДЕТЕЛЕМ КГБ СССР ВЛАДИМИРОМ СЕМИЧАСТНЫМ. НОЯБРЬ 2000

убежища в американском посольстве в Дели. Как рукопись, на основе которой была написана книга «20 писем к другу», попала в Индию, а из Индии в США, в своё время рассказал мне бывший председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный (умер 12 января 2001 г. — Ред.):

— Светлана передала отпечатанную рукопись будущей книги через свою подругу, являвшуюся дочерью посла Индии в Советском Союзе. Мы оказались просто бессильны помешать этому, поскольку досматривать дипломатический багаж, а тем более одежду дипломатов междунаrodnое право не позволяло даже КГБ. Этот вывоз мемуарных записок Аллилуевой произошёл до её выезда в Индию, потому что, по нашим агентурным данным, ещё в Москве появилась договорённость об издании их за рубежом. И не исключено, что просьба Светланы дать разрешение выехать, чтобы «развезть над водами Ганга» прах скончавшегося в Москве любимого мужа-индуса, была лишь прикрытием. Уж больно быстро прошла за границей её любовь к этому индусу...

Книга «20 писем к другу» начинается со слов: «Эти письма к другу» написаны летом 1963 года в деревне Жуковке, недалеко от Москвы, в течение тридцати пяти дней». А самиздатская рукопись начинается так: «Эта книга была написана в 1965 году в деревне Жуковка. То, что написано в ней, я считаю исповедью». Да, собственно, и заканчивается она датировкой: «Жуковка, август 1965 года». Какая разница, скажете вы? Но для историка всё начинается с мелочей.

После «добывания» Сталина на XXII съезде и выноса его тела из Мавзолея в конце 1961-го Светлана старалась не появляться в Москве, особенно в людных местах.

И даже замена фамилии отца на фамилию матери не избавила дочь от нарастаю-

щей неприязни, а порою и откровенной травли даже со стороны тех, кто совсем недавно буквально набивался к ней в лучшие друзья. Жила в основном на даче, чаще в одиночестве. Предательство, непонимание окружающих и страдания привели её в церковь. Она крестилась, стало легче, но и в Боге не нашла она желаемого спасения. И тогда вновь вернулась к воспоминаниям, рассчитывая очистить и успокоить душу откровениями на бумаге. Да, первая сильная волна такого успокоения нахлынула на неё летом 1963-го, вторая — в 1965-м. Она, прежде всего для себя, писала и переписывала, зачёркивала и добавляла свои воспоминания и размышления. И именно в эти тяжёлые дни пришла к надежде, что «может быть, когда я напишу то, что хочу написать, то забудусь». Этих слов нет в официальной книге «Двадцать писем к другу». Зато они остались на страницах самиздата, потому что измученная душа Светланы поначалу не предполагала никаких писем, решившись лишь на максимально откровенную исповедь самой себе. Мысль о публикации рукописи на Западе созрела позже, вместе с решением об эмиграции, вернее о побеге из СССР.

Исходный оригинал, дошедший до нас в самиздатской машинописи, строится не на письмах, а на исповеди из шести частей и почти не содержит лирических отступлений, какими «20 писем» изобилуют настолько, что больше напоминают художественное произведение. Более того, есть профессиональное заключение, что книгу писала не Аллилуева, а в основном (в соответствии с разработками коллектива советологов ЦРУ) какой-то гораздо более опытный и способный литератор, сумевший, подобно актёру, талантливо вжившись в роль, проявлять себя в духе всплесков вдохновения Аллилуевой чаще, чем она сама. Но отсюда же в её воспоминаниях, изданных на Западе, множество неточностей, нестыковок и противоречий.

Даже даты рождения родного брата, смерти матери Сталина, самоубийства Серго Орджоникидзе и имя генерала Власика, 25 летобеспечивавшего охрану отца, в книге перепутаны. Из-за таких многосторонних вмешательств что-то в книге стало более отрицательным, а что-то на удивление, наоборот, утратило градус антисоветизма.

Всё это вроде бы и то, да не то... особенно для тех, кто знает подробности и тонкости жизни и дел Сталина. И в этом смысле самиздат заметно выигрывает, особенно там, где на место привычных (я бы сказал: официально принятых) описаний Сталина дочь (в отличие от книги) даёт доступные только ей впечатления от встреч с отцом.

Сравню хотя бы такой маленький эпизод в самиздате и в книге. В книге написано: «...отца я увидела снова лишь в августе, — когда он возвратился с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него — пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно внимательно разговаривал со мной». Как всё правильно и точно изложено, как много слов и так мало настроения!

А вот как про это же сказано в записках самой Светланой: «Я молчала и не настаивала на встрече, она плохо бы кончилась. Затем я увидела отца только в августе 1945 года, все были заняты сообщением об атомной бомбардировке, и отец нервничал, невнимательно разговаривал со мной...»

Одна деталь — всего два слова: «отец нервничал» (Сталин нервничал!), эти два слова сразу создают напряжение, запоминающееся навсегда.

Или в книге есть такой малозначительный эпизод, касающийся первых часов после кончины Сталина: «В коридоре послышались громкие рыдания, — это сестра, проявлявшая здесь же, в ванной

комнате, кардиограмму, громко плакала, — она так плакала, как будто погибла сразу вся её семья...»

В самиздатовском варианте дневниковых записей этот эпизод раскрывает отнюдь не малозначительные кремлёвские тайны: «В коридоре кто-то громко плакал. Это была медсестра, делавшая ночью уколы — она заперлась в одной из комнат и плакала там, как будто умерла вся её семья...»

То есть, как мы теперь знаем, эта «сестра с кардиограммой» была медсестрой Моисеевой, которая, согласно предписаниям о процедурах 5–6 марта 1953 года, зафиксированным в «Папке черновых записей лекарственных назначений и графиков дежурств во время последней болезни И.В. Сталина», в 20 часов 45 минут ввела инъекцию глюконата кальция. В 21 ч 48 мин она же поставила роспись, что ввела 20-процентное камфорное масло. И наконец, в 21 ч 50 мин Моисеева расписалась, что впервые за всё время лечения осуществила инъекцию адреналина Сталину, после которой он умер. Но это уже другая история, о которой Светлана Аллилуева не могла знать тогда и так никогда и не узнала. (Смотрите документальные подтверждения этого факта в моей книге «Как убивали Сталина».)

В общем, на мой взгляд, дневниковые записи Светланы Аллилуевой, дошедшие до нас в самиздатовском варианте, представляют несомненный интерес.

Это первая искренняя исповедь ради самоё себя. Помните? «Может быть, когда я напишу то, что хочу написать, то забудусь».

Эта книга была написана в 1965 году в деревне Жуковка. То, что написано в ней, я считаю исповедью. Тогда я и думать не могла о её выпуске. Теперь же, когда это стало возможно, мне бы хотелось, чтобы каждый, кто прочёл её, считал, что я обращаюсь к нему лично...

I ЧАСТЬ

Как тихо здесь. В тридцати километрах Москва. Вулкан суеты и страсти. Всемирный конгресс. Приезд китайской делегации. Новости со всего света. Красная площадь полна людей. Москва кипит и без конца жаждет новостей, каждый хочет узнать их первым.

А здесь тихо. Этот оазис тишины расположен недалеко от Одинцово. Тут не строят большие дачи, не рубят лес. Для москвичей здесь лучший отдых в выходные дни. Затем опять возвращение в кипящую Москву. Я живу здесь все свои 39 лет. Лес всё тот же, и деревенские всё те же: еду в них готовят на керосинках, но девочки уже носят нейлоновые блузки, венгерские босоножки.

Здесь моя Родина, именно здесь, а не в Кремле, который не переносу. Когда я умру, пусть, меня похоронят тут, возле вон той церквушки, которая сохранилась, хотя и закрыта. В город я не хожу, я задыхаюсь там. Жизнь моя скучна, может быть, когда я напишу то, что хочу написать, то забудусь. Всё поколение моих сверстников живёт скучновато, мы завидуем тем, кто старше нас. Тем, кто вернулся с Гражданской войны: это декабристы, которые ещё научат нас жить. А в Кремле, как в театре: публика, разинув рот, аплодисменты, там пахнет старыми кулисами, летают феи и злые духи, является тень умершего короля и безмолвствует народ.

Сегодня я хочу рассказать о марте 1953 года, о тех днях в доме отца, когда я смотрела, как он умирает.

2 МАРТА меня разыскали на уроке французского языка и сказали, что Маленков просил приехать на Ближнюю дачу. (Мы так её называли, потому что она была ближе других.) Это было что-то новое, чтобы кроме отца просил кто-то приехать к нему. Моё такси встретили Хрущёв и Булганин: «Идём в дом, там Берия и Маленков, они всё расскажут».

Это случилось ночью, отца нашли в 3 часа на ковре и перенесли на тахту, где он лежал и сейчас. В большой зале толпилось много народу, врачи были незнакомые — академик Виноградов, наблюдавший отца, сидел в тюрьме. Ставили пиявки на затылок и шею, медсестра непрерывно делала

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА. ВАШИНГТОН. 22 СЕНТЯБРЯ 1969

возмущенно — теперь все валит на СТАЛИНА, а Сталину тоже было плохо. Анна Роденс умерла в 1964г. уже после того как была написана в черновике эта книга.

II часть

Странно, но отец из своих 6-и внуков знал и видел только троих, своих детей и дочь Яну, Гудю вызвавшую у него неподдельную нежность. Ещё странно, что та не не чувствовала, он питал к нему сыну, с отцом которого евреи отец так и не пожелал познакомиться.

Во время первой встречи мальчику было около трех лет, прехорошенький ребенок, не то грек, не то грузин, с синими глазами и длинными ресницами. Отец приехал в Зубаново, где жил сын с матерью мужа, тихая и больная. Отец поиграл с ним пол-часика, оббежал вокруг дома быстрой походкой и уехал. Я была на седьмом небе. Отец видел Максимил Мосьюк еще два раза, последний раз месяца за четыре до смерти, когда малышу было уже семь лет. Надо думать сын запомнил эту встречу, портрет деда стоит у него на столе. В 18 лет он окончил школу и из всех возможных профессий выбрал акушу — врача.

А вот моя дача, несмотря на то, что отец любил её отца, как всех «дядюшек» не вызвал у него никаких чувств, видел он её только раз, когда ей было два с половиной годика. 3 ноября 52 года в двадцатилетие нашей смерти, как водится мы сидели за столом уставленным съезими овощами, фруктами, орехами, было хорошее грузинское вино — его привозили только для отца. Он ел очень мало, что-то ковнярял и и отшвыривал по крошки, но стол всегда должен быть уставленным едой. Все сини доволны. Алексей Свиридов брат первой жены отца, был на три года моложе моего, старший «большерик» «Алеша», красивый грузин, одевавшийся хорошо, даже с негодством, маркилот с европейским образом, после революции перешел на иностранную дел Грузии и член ЦК. Женился на Марии Анисимовне, дочери богатых родителей, окончившей высшие женские курсы в Петербурге, консерватор в Грузии и

в Москве. В последние годы. Москва кипит и без конца жаждет новостей, каждый хочет узнать их первым.

А здесь тихо. Этот оазис тишины расположен недалеко от Одинцово. Тут не строят большие дачи, не рубят лес, для москвичей здесь лучший отдых в выходные дни, затем опять возвращение в кипящую Москву. Я живу здесь все свои 39 лет. Лес всё тот же и деревенские всё те же: еду в них готовят на керосинках, но девочки уже носят нейлоновые блузки, венгерские босоножки. Здесь моя Родина, именно здесь, а не в Кремле, который не переносу. Когда я умру, пусть, меня похоронят тут, возле вон той церквушки, которая сохранилась, хотя и закрыта. В город я не хожу, я задыхаюсь там. Жизнь моя скучна, может быть, когда я напишу то, что хочу написать, то забудусь. Всё поколение моих сверстников живёт скучновато, мы завидуем тем, кто старше нас. Тем, кто вернулся с Гражданской войны: это декабристы, которые ещё научат нас жить. А в Кремле, как в театре: публика, разинув рот, аплодисменты, там пахнет старыми кулисами, летают феи и злые духи, является тень умершего короля и безмолвствует народ.

Сегодня я хочу рассказать о марте 1953г. о тех днях в доме отца, когда я смотрела как он умирает. 2 МАРТА меня разыскали на уроке французского языка и сказали, что Маленков просил приехать на Ближнюю дачу. (Мы так её называли, потому что она была ближе других.) Это было что-то новое, чтобы кроме отца просил кто-то приехать к нему. Моё такси встретили Хрущёв и Булганин: «Идём в дом, там Берия и Маленков, они всё расскажут».

Это случилось ночью, отца нашли в 3 часа на ковре и перенесли на тахту, где он лежал и сейчас. В большой зале толпилось много народу, врачи были незнакомые — академик Виноградов, наблюдавший отца, сидел в тюрьме. Ставили пиявки на затылок и шею, медсестра непрерывно делала какие-то уколы, все спасали жизнь, которую нельзя было спасти. Привезли даже какую-то установку для поддержания дыхания, но её так и не пользовались, и молодые врачи, приехавшие с ней, так и сидели с растерянным видом. Было тихо как в храме, и кто не говорил посторонних вещей, никто не суетился. И только один человек всё время неистовоно громко — это был Берия. На его лице отражались жестокость, честолюбие и власть: он боялся в этот момент пережить или недожить. Если отец изредка открывал глаза, то Берия первым оказывался рядом с ним, заглядывая в глаза и пытался казаться самым верным. Это был законченный образец царедворца. Когда всё было кончено, он первым выскочил в коридор, и там был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества. Многие творили эта гнида, умеющая провести отца и при этом, посмеиваясь в кулак. Все это знали, но его дико боялись в этот момент — когда умирал отец, ни у кого в России не было больше власти, чем у этого человека. Правая половина тела у отца была парализована, лишь несколько раз он отирывал глаза, и тогда все бросались к нему. Когда потом заложено тело, отец был мне ближе чем при жизни. Пятых своих внуков он никогда не видел и все-таки они до сих пор любят его. Я не садилась там, я могла только стоять: стояла и понимала, что начинается новая эра, начинается освобождение для меня и народа. Я слушала музыку, тихую грузинскую колыбельную, смотрела в успокоившееся лицо и думала о том, что ничем при жизни не помогла этому человеку.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА «САМИЗДАТОВСКИХ» ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ СТАЛИНА

какие-то уколы, все спасали жизнь, которую нельзя было спасти. Привезли даже какую-то установку для поддержания дыхания, но её так и не пользовались, и молодые врачи, приехавшие с ней, так и сидели с растерянным видом.

Было тихо, как в храме, никто не говорил посторонних вещей, никто не суетился. И только один человек всё время неистовоно громко — это был Берия. На его лице отражались жестокость, честолюбие и власть: он боялся в этот момент пережить или недожить. Если отец изредка открывал глаза, то Берия первым оказывался рядом с ним, заглядывая в глаза и пытался казаться самым верным. Это был законченный образец царедворца. Когда всё было кончено, он первым выскочил в коридор, и там был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества. Многие творили эта гнида, умеющая провести отца и при этом, посмеиваясь в кулак. Все это знали, но его дико боялись в этот момент — когда умирал отец, ни у кого в России не было больше власти, чем у этого человека.

Правая половина тела у отца была парализована, лишь несколько раз он открывал глаза, и тогда все бросались к нему...

Когда потом передо мной в Колонном зале лежало тело, отец был мне ближе, чем при жизни. Пятых своих внуков он никогда не видел, и всё-таки они до сих пор любят его. Я не садилась там, я могла только стоять: стояла и понимала, что начинается новая эра, начинается освобождение для меня и народа. Я слушала музыку, тихую грузинскую колыбельную, смотрела в успокоившееся лицо и думала о том, что ничем при жизни не помогла этому человеку.

Кровоизлияние в мозг приводит к кислородному голоду и затем к удушью. Дыхание отца всё учащалось, лицо потемнело, губы почернели, человек медленно задыхался — агония была страшной. Перед смертью он неожиданно открыл глаза и оглядел всех. Все бросились к нему, и тут он вдруг поднял левую руку и не то указал на что-то, не то погрозил нам. В следующую минуту всё было кончено.

Все стояли, окаменев, потом члены правительства двинулись к выходу к своим машинам, поехали в город сообщить вест. Они суетились все эти дни и страшились: чем всё это кончится, но когда это произошло, у многих были искренние слёзы. Тут были Ворошилов, Каганович, Булганин, Хрущёв — все они боялись, но и уважали отца, которому нельзя было сопротивляться. Наконец все уехали, остались в зале только Булганин, Микоян и я. Мы сидели около тела, которое несколько часов должно было ещё тут лежать. Оно было на столе и покрыто ковром, на котором с отцом и случился удар, в комнате, где обычно проходили обеды. Во время обедов тут и решались дела. Горел камин (отец предпочитал и любил только его в качестве отопления). В углу стояла радиолка. У отца была хорошая коллекция пластинок, русских и грузинских: сейчас эта музыка прощалась со своим хозяином.

Пришла проститься охрана и прислуга, все плакали, а я сидела как каменная. А потом к крыльцу подъехал белый автомобиль и тело увезли. Кто-то накинул на меня пальто, кто-то обнял меня за плечи. Это был Булганин, я уткнулась в грудь и разрыдалась, он тоже плакал. По длинной полутёмной галерее я прошла в столовую, где меня заставили поесть перед поездкой в Москву. В коридоре кто-то громко плакал. Это был медсестра, делавшая ночью уколы, — она заперлась в одной из комнат и плакала там, как будто умерла вся её семья.

Было пять часов утра, скоро о совершившемся должны были сообщить по радио. И вот в 6 часов раздался медленный голос Левитана или кого-то другого, похожего на него, голос, сообщающий всегда что-то важное, и все поняли, что случилось. В тот день на улицах многие плакали, и мне было хорошо, что все плачут вместе со мной.

Прошло 12 лет, а в моей жизни мало что изменилось. Я, как и прежде, существую под сенью моего отца, а жизнь кругом кипит. Выросло целое поколение, для которого почти не существует СТАЛИН,

РИА НОВОСТИ

СВЕТЛАНА — С ОТЦОМ И БРАТОМ ВАСИЛИЕМ. 1930-Е

как не существует и многих других, связанных с этим именем, ни хорошего, ни плохого. Это поколение принесло с собой неведомую для нас жизнь. Посмотрим, какая она будет. Людям хочется счастья, красок, языков, страстей. Хочется культуры, чтобы жизнь стала наконец европейской и для России, хочется посмотреть все страны. Жадно, скорее, сейчас. Хочется комфорта, изящной мебели и одежды. Это так естественно после стольких лет пуританства и поста, замкнутости и отгороженности от всего мира. Не мне судить всё это, даже если я против абстракционизма, но всё-таки понимаю, почему оно овладевает умами совсем не глупых людей: я знаю, что они чувствуют в современности будущее. Зачем им мешать думать, как они хотят. Ведь страшно не это, страшно невежество, не увлекающееся ничем, полагающее, что на сегодня всего достаточно и что, ежели будет в пять раз больше чугуна и в четыре раза больше яиц, то вот, собственно, и будет рай, о котором мечтает это бестолковое человечество.

XX век, революция всё перемешала и сдвинула со своих мест. Всё переменалось местами: богатство и бедность, знать и нищета. Но Россия осталась Россией, и жить, строить, стремиться вперёд нужно было и ей. Завоевывать что-то новое и поспевать за остальными, а хотелось бы догонять и перегонять.

И сейчас стоит мрачный пустой дом, где раньше жил отец последние 20 лет после смерти мамы. Первоначально он был сделан славно, современно — лёгкая одно-этажная дача, расположенная среди лесов, сада и цветов. Наверху во всю крышу огромный солирий, где так нравилось гулять и бегать. Я помню, как все, кто принадлежал к нашей семье, приезжали смотреть новый дом, было весело и шумно. Была моя тётка Анна Сергеевна, мама сестра с мужем Стахом Реденсом, был дядюшка Павлуша с женой, были Сванидзе — дядя и тётя Маруся, братья мои Яков и Василий. Но уже поблёскивало где-то в углу комнаты пенсне Лаврентия, тихонького и скромного. Он приезжал временами из Грузии припасть к стопам, и дачу новую приехал смотреть. Все, кто был близок к нашему дому, его ненавидели, начиная с Реденса и Сванидзе, знавших его ещё по работе в ЧК Грузии. Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единственными у нас в кругу близких.

Мама ещё давно, году в 1929-м, устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было в нашем доме. Отец отвечал: «Приведи факты, ты меня не убеждаешь!» А она кричала: «Я не знаю, какие тебе факты, я же вижу, что он негодяй, я не сяду с ним за один стол!» — «Ну что же, убирайся вон, это мой товарищ, он хороший чекист, помог нам в Грузии

предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю».

Сейчас дом стоит неузнаваемым, его много раз перестраивали по плану отца, должно быть, он просто не находил себе покоя: то ему не хватало солнца, то ему нужна была тенистая терраса. Если был один этаж, пристраивали другой, а если было два — один сносили. Второй этаж пристроили в 1948 году, и через год там был огромный приём в честь китайской делегации, потом он стоял без дела.

Отец всегда жил внизу, в одной комнате, она служила ему всем — на диване стелили постель, на столике стояли телефоны, большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же накрывалось поест, если никого больше не было. Стоял буфет с посудой и медикаментами, лекарство отец выбирал сам, и

единственным авторитетом в медицине был для него Виноградов, раз в два года смотревший его. Лежал большой ковёр, и был камин — единственные атрибуты роскоши, которые отец признавал и любил. В последние годы почти каждый день к нему съезжалось обедать почти всё Политбюро, обедали в общей зале, тут же принимали гостей. Я видела тут только Тито в 1946 году, но побывали все, наверное, руководители компартий: американцы, англичане, французы и т.д. В этом зале отец и лежал в 1953 году в марте, один из диванов возле стены стал его смертным одром...

С весны до осени отец проводил дни на террасах, одна была застеклённая со всех сторон, две — открытые с крышей и без крыши. Прямо в сад выходила застеклённая терраса, пристроенная в последние годы. Сад, цветы и лес кругом было любимое развлечение отца, его отдых. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопату, но подстригал сухие ветки, это была его единственная работа в саду. Отец бродил по саду и, казалось, искал себе уютного места, искал и не находил. Ему несли туда бумаги, газеты, чай. Когда я была у него в последний раз за два месяца до смерти, то была неприятно поражена — на стенах комнат были развешены фотографии детей: мальчик на лыжах, девочка поит козлёнка молоком, дети под вишней и ещё что-то. В большом зале появилась галерея рисунков: тут были Горький, Шолохов и ещё кто-то, висела репродукция репинского ответа запорожцев султану. Отец обожал эту вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст их ответа. Повыше висел портрет Ленина, не из самых удачных.

В квартире он не жил, и формула «Сталин в Кремле» выдумана неизвестно кем.

Дом в Кунцево пережил после смерти отца странное событие. На второй день после смерти отца по распоряжению Берии создали всю прислугу и охрану и объявили, что вещи должны быть вывезены, и все покинули это помещение. Растерянные, ничего не понимающие люди, собрали вещи, посуду, книги, мебель, погрузили на грузовики, всё увезли на какие-то склады. Людей, прослу-

живших по десять — пятнадцать лет, вышвырнули на улицу. Офицеров охраны послали в другие города, двое застрелились в те же дни. Потом, когда расстреляли Берия, свезли обратно вещи, пригласили бывших комендантов, подававших. Готовились открыть музей, но затем последовал XX съезд, после которого идея музея не могла прийти кому-либо в голову. Сейчас в служебных корпусах не то госпиталь, не то санаторий, дом стоит закрытый, мрачный...

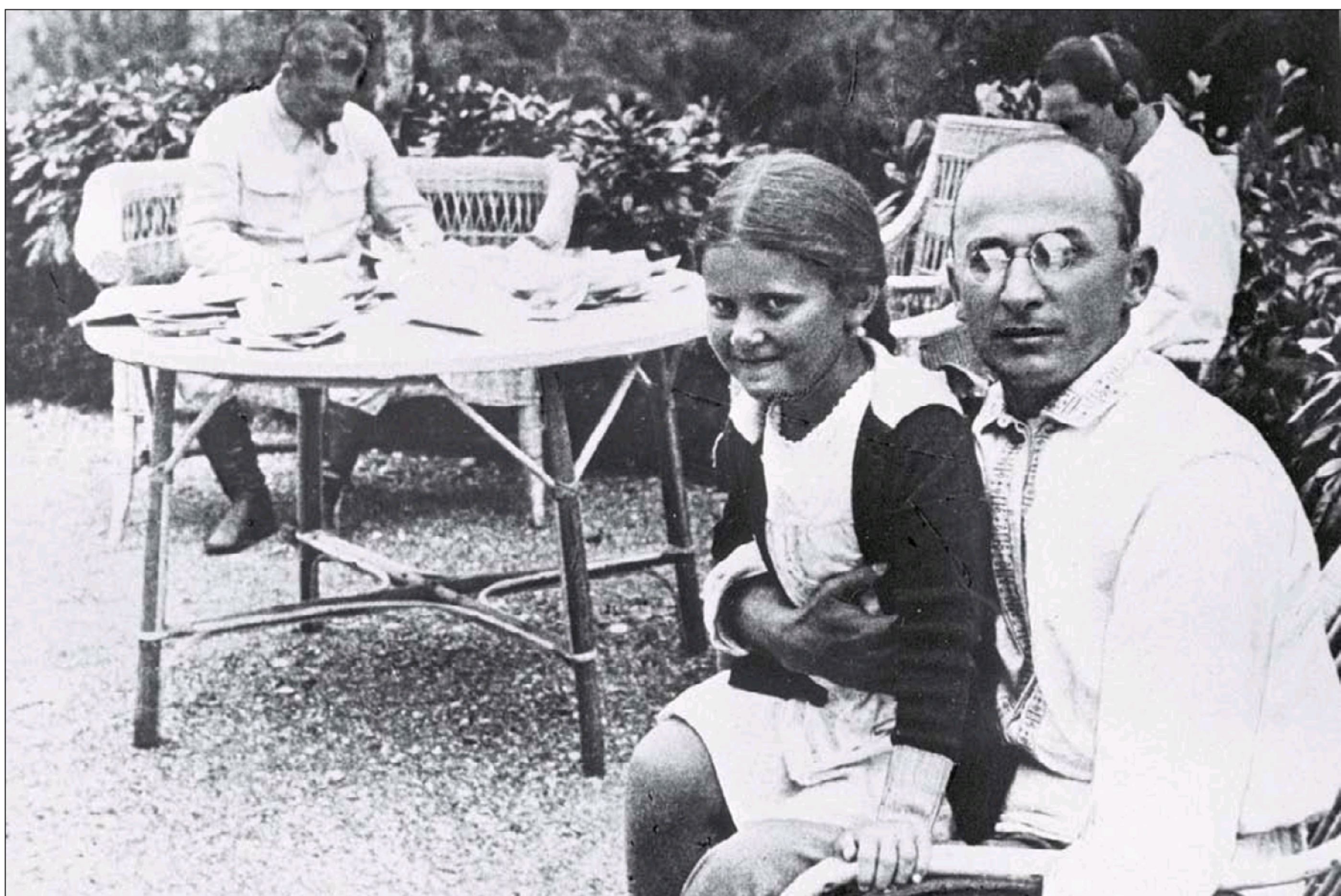
Дом, в котором прошло моё детство, принадлежал Зубалову, нефтепромышленнику из Батуми. Отцу и Микояну хорошо было известно это имя, в 1890-е годы они устраивали на его заводах стачки. После революции Микоян с семьёй, Ворошилов, Шапошников и ещё несколько семей старых большевиков разместились в Зубалове-2, а отец с мамой в Зубалове-4 неподалёку. На даче у Микояна и сегодня всё сохранилось так, как бросили эмигрировавшие хозяева: на веранде мраморная собака, любимица хозяина, мраморные статуи, вывезенные из Италии, на стенах старинные французские гобелены, разноцветные витражи.

Наша же усадьба без конца преобразовывалась. Отец расчистил лес вокруг, половину его вырубил, стало светлее, теплее, суше. Участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину, и мы, дети, росли в условиях маленькой помещицкой усадьбы с её деревенским бытом, собиранием грибов и ягод, своим мёдом, соленьями и маринадом, своей птицей.

Маму заботило — наше образование и воспитание. Моё детство с ней продолжалось шесть с половиной лет, но я уже читала и писала по-русски, по-немецки, рисовала, лепила, клеила, писала нотные диктанты. Возле брата находился чудесный человек, учитель Муравёв, придумывавший интересные прогулки в лес. Попеременно с ним лето, зиму и осень с нами была воспитательница, занимавшаяся лепкой из глины, выпиливанием, раскрашиванием, рисованием и уж не знаю ещё чем.

Вся эта образовательная кухня крутилась, запущенная маминой рукой. Мамы

“ Однажды я порезала скатерть ножницами. Боже, как отшлёпала меня мама по рукам, но пришёл отец и кое-как успокоил меня, он не мог переносить детского плача.

РИА НОВОСТИ

СВЕТЛАНА НА КОЛЕНАХ У БЕРИИ, В ТО ВРЕМЯ ЕЩЁ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЙКОМА ВКП(Б)

не было возле нас дома, она работала в редакции журнала, поступала в Промышленную академию, вечно где-то заседала, а своё свободное время отдавала отцу, он был для неё целой жизнью. Я не помню ласки, она боялась меня разбаловать: меня баловал отец. Я помню свой последний при маме день рождения в феврале 1932 года, тогда мне исполнилось шесть лет. Его справляли на квартире: русские стихи, куплеты про ударников, двуручников, украинский гопак в национальных костюмах. Артём Сергеев, ныне генерал, а тогда ровесник и товарищ моего брата, стоя на четвереньках, изображал медведя. Отец тоже принимал участие в празднике, правда, он был пассивным зрителем, не любил детский гвалт.

В Зубалово у нас часто жил Николай Иванович Бухарин, которого все обожали (он наполнял весь дом животными). Бегали ежи на балконе, в банках сидели ужи, ручная лиса бегала по парку, ястреб сидел в клетке. Бухарин в сандалиях, в толстовке, в холщёвых летних брюках играл с детьми, балагурил с моей няней, учил её ездить на велосипеде и стрелять из духового ружья. С ним всем было весело. Через много лет, когда его не стало, по Кремлю, уже обезлюдившему и пустынному, долго ещё бегала лиса Бухарина и пряталась от людей в Тайницком саду...

Взрослые часто веселились по праздникам, появлялся Будённый с лихой гармошкой, раздавались песни. Отец тоже пел, у него был слух и высокий голос, а говорил он почему-то глуховатым и низким голосом. Особенно хорошо пели Будённый и Ворошилов. Не знаю, пела ли мама, но в исключительных случаях она красиво и плавно танцевала лезгинку.

В кремлёвской квартире хозяйствовала экономка Каролина Тин, из рижских немок, милейшая старая женщина, опрятная, очень добрая.

В 1929–1933 годах появилась прислуга, до этого мама вела хозяйство сама, получала пайки и карточки. Так жила тогда вся советская верхушка — стремилась дать образование детям, нанимала гувернанток и немок от старого времени, жены работали.

Летом родители ездили отдыхать в Сочи. В качестве развлечения отец иногда паил из двустовки в коршунов или по зайцам, попадающим ночью в свет автомобильных фар. Биллиард, кегельбан, городки — были видами спорта, доступными отцу. Он никогда не плавал, не умел, не любил сидеть на солнце, признавал прогулки по лесу.

Несмотря на свою молодость, в 1931 году исполнилось маме 29 лет, она была всеми уважаема в доме. Она была красива, умна, деликатна и вместе с тем тверда и упорна, требовательна в том, что ей казалось непреложным. Мама с искренней любовью относилась к моему брату Яше — сыну отца от его первой жены, Екатерины Сванидзе. Яша был только на семь лет моложе своей мачехи, но тоже очень любил и уважал её. Мама дружила со всеми Сванидзе, родственниками первой, рано умершей жены отца. Её братья Алексей, Павел, сестра Анна с мужем Реденсом — все они были в нашем доме постоянно. Почти у всех у них жизнь сложилась трагически: талантливой и интересной судьбе каждого из них не суждено было состояться до конца. Революция, политика безжалостны к человеческим судьбам.

Дедушка наш, Сергей Аллилуев, был из крестьян Воронежской губернии, русский, но бабка его была цыганкой. От цыган и пошёл у всех Аллилуевых южный, несколько экзотический облик: огромные глаза, ослепительная смуглая кожа и художавость, жажда свободы и страсть перекочеванию с места на место. Дед работал слесарем в железнодорожных мастерских Закавказья и стал членом Российской социал-демократической партии в 1896 году.

В Петербурге у него была небольшая 4-комнатная квартира, такие квартиры нашим теперешним профессорам кажутся пределом мечтаний. После революции работал в области электрификации, строил Шатурскую ГЭС, был одно время председателем Ленэнерго. Он умер в 1945

СВЕТЛАНА С ОТЦОМ И БРАТЬЯМИ ВАСИЛИЕМ (СЛЕВА) И ЯКОВОМ (СПРАВА). РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ СИДИТ СЕКРЕТАРЬ ЦК АНДРЕЙ ЖДАНОВ

году в возрасте 79 лет. Смерть мамы сломила его, он стал замкнутым, совсем тихим. После 1932 года был арестован Реденс, а после войны, в 1948 году, попала в тюрьму и сама Анна Реденс. Слава богу, не дожив до этого дня, он умер в июне 1945 года от рака желудка. Я видела его незадолго до смерти, он был, как живые мощи, уже не мог говорить, только закрывал глаза рукой и беззвучно плакал.

В гробу он лежал, как индусский святой, — таким красивым было высшее тонкое лицо, нос с горбинкой, белоснежные усы, борода. Гроб стоял в зале Музея революции, пришло много народу — старые большевики. На кладбище один из них сказал слова, которые я не совсем тогда поняла: «Он был из поколения марксистов-идеалистов».

Брак деда с бабушкой был весьма романтичен. Она сбежала к нему из дома, выкинув через окно узелок с вещами, когда ей ещё не было 14 лет. В Грузии, где она родилась и выросла, юность и любовь приходили рано. Она представляла собой странную смесь национальностей. Отец её был украинец Евгений Федоренко, но мать его была грузинкой и говорила по-грузински. Женился на немке Айхгольц из семьи колониста, она, как полагается, владела пивнушкой, чудесно стряпала, родила 9 детей, последнюю Ольгу, нашу бабушку, и водила их в протестантскую церковь. В отличие от деликатного деда, она могла разразиться криками, бранью в адрес наших поваров, комендантов, подавальщиц, считавших её блажной старухой и самодуркой. Четверо её детей родились на Кавказе, и все были южанами. Бабушка была очень хороша — настолько, что от поклонников не было отбоя. Порой она бросалась в авантюры то с каким-то поляком, то с болгаряном, утверждала, что русские мужчины — хамы.

Отец знал семью Аллилуевых ещё с конца 1890-х годов. Семейное предание говорит, что в 1903 году он, тогда ещё молодой человек, спас маму в Баку, когда ей было два года и она свалилась с набережной в море. Для матери, впечатлительной и романтической, такая завязка имела большое значение, когда встретила его 16-летней гимназисткой, как сильного революционера, 38-летнего друга семьи. Дед приходил в нашу квартиру в Кремле и, бывало, подолгу сидел у меня в комнате, дожидаясь прихода отца к обеду. Бабушка была проще, примитивнее. Обычно у неё накапливался запас чисто

бытовых жалоб и просьб, с которыми она обещалась в удобный момент к отцу: «Иосиф, ну подумай, нигде не могу достать уксус!» Отец хохотал, мама сердилась, и всё быстро улаживалось. После 1948 года она никак не могла понять: почему, за что попала в тюрьму её дочь Анна, писала письма отцу, давала их мне, потом забирала обратно, понимая, что это ни к чему не приведёт. Умерла она в 1951 году в возрасте 76 лет.

Её детям, всем без исключения, досталась трагическая судьба, каждому своя. Брат матери Павел был профессиональным военным, с 1920 года советский военный представитель в Германии. Временами он присылал что-нибудь: платья, духи. Отец не переносил запаха духов, считая, что от женщины должно пахнуть свежестью и чистотой, поэтому духи шли в ход подпольно. Осенью 1938 года Павел поехал в отпуск в Сочи, и когда вернулся в своё бронетанковое управление, то не нашёл с кем работать — управление как вымели метлой. Ему стало плохо с сердцем, и тут же, в кабинете, он умер, от разрыва сердца. Позже Берия, водворившийся в Москве, внушил отцу, что он был отравлен женой, и в 1948 году она была обвинена в этом наряду с прочими шпионскими делами. Получила 10 лет одиночки и вышла только после 1954 года.

Муж маминой сестры Реденс, польский большевик, после Гражданской войны был чекистом Украины, а потом Грузии, тут он впервые столкнулся с Берией, и они не понравились друг другу. Приход того в 1938 году в НКВД Москвы означал для Реденса недоброе, он был откомандирован в Алма-Ату, а вскоре вызван в Москву, и больше его не видели... В последнее время он стремился повидаться с отцом, заступаясь за людей. Отец не терпел, когда вмешивались в его оценки людей: если он переводил своего знакомого в разряд врагов, то сделать обратный перевод он был не в состоянии, и защитники сами утрачивали его доверие, становясь потенциальными врагами.

После ареста мужа Анна Сергеевна переехала с детьми в Москву, ей была оставлена та же квартира, но она перестала допускаться в наш дом. Кто-то посоветовал ей написать свои воспоминания, книга вышла в 1947 году, и вызвала страшный гнев отца. В «Правде» появилась разгромная рецензия, недопустимо грубая, безапелляционная и несправедливая. Все безумно испугались, кроме Анны Сергеевны, она даже не обратила внимания на рецензию, она знала, что это

неправда, чего же ещё. Она смеялась, говорила, что будет продолжать свои воспоминания. Ей не удалось это сделать. В 1948 году, когда началась новая волна арестов, когда возвращали назад в тюрьму и ссылку тех, кто уже отбыл своё с 1937 года, эта доля не миновала и её.

Вместе с вдовой Павла, вместе с академиком Линой Штерн, Лозовским, женой Молотова Жемчужиной была арестована и она. Вернулась Анна Сергеевна в 1954 году, проведя несколько лет в одиночной тюремной больнице, вернулась шизофреничкой. С тех пор прошло много лет, немного поправилась она, прекратился бред, хотя иногда разговаривает по ночам сама с собой. Разговоры о культе личности выводят её из себя, она начинает волноваться и заговариваться. «Преувеличивают у нас всегда всё, преувеличивают, — говорит она возбуждённо, — теперь всё валят на СТАЛИНА, а Сталину тоже было сложно». Анна Реденс умерла в 1964 году уже после того, как была написана в черновике эта книга.

II ЧАСТЬ

Странно, но отец из своих 8 внуков знал и видел только троих, моих детей и дочь Яши Гулю, вызывавшую у него неподдельную нежность. Ещё странней, что такие же чувства он питал к моему сыну, с отцом которого, евреем, отец так и не пожелал познакомиться. Во время первой встречи мальчику было около трёх лет, прехорошенький ребёнок: не то грек, не то грузин, с синими глазами в длинных ресницах. Отец приехал в Зубалово, где жил сын с матерью мужа и моя няня, уже старая и больная. Отец поиграл с ним полчаса, оббежал вокруг дома быстрой походкой и уехал. Я была на седьмом небе. Отец видел Иоську ещё два раза, последний раз месяца за четыре до смерти, когда малышу было уже семь лет. Надо думать, сын запомнил эту встречу, портрет деда стоит у него на столе. В 18 лет он кончил школу и из всех возможных профессий выбрал самую человеческую — врача.

А вот моя Катя, несмотря на то, что отец любил её отца, как всех Ждановых, не вызвала у него нежных чувств, видел он её только раз, когда ей было два с половиной годика. 8 ноября 1952 года, в двадцатилетие маминой смерти, как водится, мы сидели за столом, уставленным свежими овощами, фруктами, орехами, было хорошее грузинское вино — его привозили только для отца. Он ел

СТАЛИН С ДОЧЕРЬЮ И СЕРГЕЕМ КИРОВЫМ. 30 ИЮНЯ 1930

очень мало, что-то ковырял и отщипывал по крошкам, но стол всегда должен был быть уставлен едой. Все были довольны...

Алексей Сванидзе, брат первой жены отца, был на три года моложе моего, старый большевик «Алёша», красивый грузин, одевавшийся хорошо, даже с щегольством, марксист с европейским образованием, после революции первый нарком иностранных дел Грузии и член ЦК. Женился на Марии Анисимовне, дочери богатых родителей, кончившей Высшие женские курсы в Петербурге, консерваторию в Грузии и певшей в Тифлисской опере. Она принадлежала к богатой еврейской семье выходцев из Испании. Сванидзе с женой приезжал к нам в Зубалово вместе с сыновьями Микояна, дочерью Гамарника, детьми Ворошилова. На теннисной площадке сходилась молодёжь и взрослые, была русская баня, куда собирались любители, в том числе и отец. У дяди Лёши были свои методы воспитания: узнав однажды, что сын, развлекаясь, сунул котёнка в горящий камин и обжёг его, дядя Лёша притащил сына к камину и сунул туда его руку...

Вскоре после ареста Реденса арестовали и Алексея с женой. Как это мог отец? Лукавый и лживый человек, каким был Берия, нашептал, что эти люди против, что есть компрометирующие материалы, что были опасные связи, поездки за границу и тому подобное. Вот факты, материалы, икс и зэт показывали что угодно в застенках НКВД — в это отец не вникал, прошлое исчезло для него — в этом была вся неумолимость и жестокость его натуры. «А, ты меня предал, — что-то говорило в его душе, — ну, я тебя больше не знаю!» Памяти же не было, был только злобный интерес — признает ли он свои ошибки. Отец был беспощаден перед махинациями Берии — достаточно было принести протоколы с признаниями своей вины, а если не было признания, было ещё хуже. Дядя Лёша не признавал за собой никакой вины, не стал взывать к отцу с письмами о помощи и в феврале 1942 года, в возрасте 60 лет, был расстрелян. В том году была какая-то волна, когда в лагерях расстреливали приговорённых к долговому заключению. Тётя Маруся выслушала о смертном приговоре её мужа и умерла от разрыва сердца...

Из мамы делают теперь то святую, то душевнобольную, то невинно убиенную. Она не была ни тем, ни другим. Родилась в Баку, её детство прошло на Кавказе. Такими бывают гречанки, болгарки — правильный овал лица, чёрные брови, чуть вздёрнутый нос, смуглая кожа, мягкие карие глаза в прямых ресницах. В ранних письмах мамы видна весёлая добрая девчонка пятнадцати лет: «Дорогая Анна Сергеевна! Простите, что долго не отвечала, мне пришлось за десять дней подготовиться к экзаменам, так как летом я лентяйничала. Пришлось подгонять многое, особенно по алгебре

и геометрии, сегодня утром ходила держать экзамен, но неизвестно ещё — выдержала или нет», — писала она в мае 1916 года.

Через год события начинают интересовать девочку: «13 марта мы гимназией ходили на похороны павших. Порядок был великолепный, хотя в течение семи часов простояли на месте. Много пели, на Марсовом поле нас поразила красота — кругом горели факелы, гремела музыка, зрелище было приподнятое. Папа, сотник, у него через плечо была повязка, а в руке белый флаг».

В феврале 1918 она пишет: «Здравствуйте, дорогие! В Питере страшная голодовка. В день дают восьмушку хлеба. Однажды совсем не дали, я даже ругала большевиков, но сейчас обещали прибавить. Я фунтов на двадцать убавилась, приходится всё перешивать, все юбки и бельё, всё валится...»

После замужества мама приехала в Москву и стала работать в секретариате у Ленина. Она была строга с нами, детьми, а отец вечно носил на руках, называл ласковыми словами. Однажды я порезала скатерть ножницами. Боже, как отшлёпала меня мама по рукам, но пришёл отец и кое-как успокоил меня, он не мог переносить детского плача. Мама была с нами очень редко, вечно загружена учёбой, службой, партийными поручениями. В 1931 году, когда ей исполнилось 30 лет, она училась в Промышленной академии, секретарём у неё был молодой Хрущёв, который после стал профессиональным парработником. Мама жаждала работы, её угнетало положение первой дамы королевства. После детей она была самой молодой в доме. Очень тягостное впечатление произвела на неё попытка Яши покончить с собой в 1929 году, он только ранил себя, но отец нашёл для себя повод для насмешек: «Ха! не попал!» — любил он поиздеваться. От матери осталось много фотографий, но чем дальше, тем она печальнее. В последние годы ей всё чаще приходило в голову: уйти от отца, он был для неё слишком грубым, резким, невнимательным. В последнее время перед смертью она была необыкновенно грустной, раздражительной, она жаловалась подругам, что всё опостылело, ничего не радует. Моё последнее свидание с ней было дня за два до смерти. Она усадила меня на свою любимую тахту и долго внушала, какой я должна быть. «Не пей вина, — говорила она, — никогда не пей вина». Это были отголоски её вечного спора с отцом, по кавказской привычке дававшего детям пить вино...

Повод сам по себе был незначительный — небольшая ссора на банкете 15-й годовщины Октября. Отец сказал ей: «Эй, ты, пей!» — она крикнула: «Я тебе не эй ты». Встала и при всех ушла вон из-за стола. Отец спал у себя в комнате. Наша экономка утром приготовила завтрак и... пошла будить маму. Трясаясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала няню, они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати, в руке был маленький пистолет Вальтер, привезённый когда-то Павлом из Берлина. Она была уже холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом побежали звонить начальнику охраны Енукидзе, маминой подруге Полине Молотовой. Пришли Молотов, Ворошилов.

«Иосиф, Нади больше нет с нами», — сказали ему. Нас, детей, в неурочное время отправили гулять. Помню, как за завтраком нас повезли на дачу в Соколовку. В конце дня приехал Ворошилов, пошёл с нами гулять, пытался играть, а сам плакал. Потом в зале сегодняшнего ГУМа стоял гроб и происходило прощание. На похороны меня не взяли, ходил только Василий. Отец был потрясён случившимся, он не понимал: почему ему нанесли такой удар в спину? Он спрашивал окружающих: разве он не был внимательным? Временами на него находила тоска, он считал, что мама предала его, шла с оппозицией тех лет. Он был так разгневан, что когда пришёл на гражданскую панихиду, то оттолкнул

гроб и, повернувшись, ушёл прочь, и на похороны не пошёл. Он ни разу не посетил её могилу на Новодевичьем: он считал, что мама ушла как его личный недруг. Он искал вокруг: кто же виноват(?), кто внушил ей эту мысль? Может, таким образом хотел найти важного своего врага, в те времена часто стрелялись — кончали с троцкизмом, начиналась коллективизация, партию раздирали оппозиция. Один за другим кончали с собой крупные деятели партии, совсем недавно застрелился Маяковский, в те времена люди были эмоциональны и искренни, если для них так жить было невозможно, то они стрелялись. Кто делает так теперь?

Наша детская беззаботная жизнь развалилась после того, как не стало мамы. Уже в следующем, 1933 году, приехав в наше любимое Зубалово, летом я не нашла там нашей детской площадки в лесу с качелями, робинзоновским домиком — всё было как метлой сметено, только следы песка долго ещё оставались среди леса, потом всё заросло. Ушла воспитательница, учитель брата оставался ещё года два, потом он надоел Василию тем, что иногда заставлял делать уроки, и исчез. Отец сменил квартиру, она была неудобной — помещалась вдоль этажей здания Сената и была раньше просто коридором с полутораметровыми ставнями и сводчатыми потолками. Нас, детей, он видел во время обеда. В доме постепенно не стало людей, которые знали маму, все куда-то исчезли. Теперь всё в доме было поставлено на казённый счёт, вырос штат obsługi, поя-

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА НА ОТДЫХЕ

“ Дядя Лёша не стал взывать к отцу с письмами о помощи и в феврале 1942 года, в возрасте 60 лет, был расстрелян. Тётя Маруся выслушала о смертном приговоре её мужа и умерла от разрыва сердца.

вились двойные штаты охраны, подавальщиц, уборщиц, все сотрудники ГПУ. В 1939 году, когда всех хватало направо и налево, какой-то услужливый кадровик раскопал, что муж моей няни, с которым она рассталась ещё до Мировой войны, служил писарем в полиции. Я, услышав, что её собираются выгнать, подняла рёв. Отец не переносил слёз, он потребовал, чтобы няню оставили в покое.

Около отца мне запомнился генерал Власик, в 1919 году красноармеец охраны и потом очень важное лицо за кулисами. Он, возглавляя всю охрану отца, считая себя чуть ли не самым ближайшим к нему человеком и будучи глупым, грубым, малограмотным, но вельможным, дошёл до того, что диктовал деятелям искусства мысли товарища СТАЛИНА. Он был всегда на виду, позже он находился в Кунцево и руководил оттуда всеми резиденциями отца. Новая экономка, приставленная к нашей квартире в Кремле, лейтенант, а затем майор госбезопасности была поставлена Берией, которому доводилась родственницей и была его прямым выдателем.

С 1937 года был введён порядок: куда бы я ни шла, за мной чуть поодаль следовал чекист. Сначала эту роль выполнял желчный тощий Иван Иванович Кривенко, затем он был заменён важным толстым Волковым, терроризирующим всю мою школу. Я должна была одеваться не в раздевалке, а в закутке, около канцелярии. Вместо завтрака в общественной столовой он вручал мне персональный бутерброд, тоже в специальном углу. Потом появился милый человек Михаил Никитич Климов, топавший за мной всю войну. На первом курсе университета я сказала отцу, что мне стыдно ходить с этим хвостом, он понял ситуацию и сказал: «Чёрт с тобой, пускай, тебя убьют, я не отвечаю». Так я получила право ходить одна в театр, кино, просто на улицу. Смерть мамы опустошила отца, унесла у него последнюю веру в людей. Именно тогда и подъехал к нему Берия, пролезший с поддержкой отца в первые секретари Грузии. Оттуда путь до Москвы был уже недалек: в 1938 году он воцарился здесь и стал ежедневно бывать у отца.

Берия был хитрее, вероломнее, целеустремлённее, твёрже и, следовательно, сильнее, чем отец, он знал его слабые струны, льстил ему с чисто восточным бесстыдством. Все друзья мамы, оба брата первой жены и сестра пали первыми. Влияние этого демона на отца было сильным и неизменно эффективным. Он был прирождённым провокатором. Однажды на Кавказе Берия был арестован красными, попавшись на предательстве, и сидел, ожидая кары. Была телеграмма от Кирова, командующего Закавказья, с требованием расстрелять предателя; это не было сделано, и она стала источником убийства Кирова. Был у нас в доме ещё один человек, которого мы потеряли в 1937 году. Я говорю об Орджоникидзе, он застрелился в феврале, и его смерть объявили предательством врачей. Если бы мама была жива, только она могла бы бороться с Берией.

С 1933 года вплоть до войны я жила школой. В комнатах отца находилась огромная библиотека, никто её не пользовался, кроме меня. Стол для обеда был, конечно, накрыт на 8 персон, ходили в театр, кино — часов в 9 вечера. Я шествовала впереди процессии в другой конец безлюдного Кремля, а позади гуськом бронированные машины, и шагала бесчисленная охрана. Кино заканчивалось поздно, часа в 2 ночи, смотрели по 2 серии и даже больше. Иногда летом отец забирал меня к себе в Кунцево дня на три, и, если чувствовал, что я скучаю возле него, — обижался, не разговаривал и долго не звонил.

Иногда вдруг приезжал в Зубалово, в лесу на костре жарился шашлык, накрывался тут же стол, всех поили хорошим грузинским вином. Без мамы в Зубалово появились склоки между родственниками, враждующие группировки искали защиты у отца. Посылали меня, а отец сердился: «Что ты повторяешь как пустой барабан?» Летом отец уезжал обычно в Сочи или в Крым. Отец подпи-

сывался во всех письмах ко мне — «Секретарьша Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Это была игра, выдуманная им: он именовал меня хозяйкой, а самого себя и своих товарищей моими секретарями, он развлекался ею до войны. Отец мало с кем был так нежен, как со мной, ещё любил свою мать, рассказывал, как она его колотила.

Колотила она и его отца, любившего выпить и погибшего в пьяной драке, кто-то ударил его ножом. Мать мечтала увидеть моего отца священником и жалела, что он им не стал, до последних дней жизни. Она не захотела покинуть Грузию, вела скромную жизнь набожной старухи и умерла в 1937 году в возрасте 80 лет. Отец проявлял иногда по отношению ко мне какие-то причуды. Ему не нравились платья выше колен, и он не раз доводил меня до слёз придирками к моей одежде: «Ходишь опять с голыми ногами». То требовал, чтобы платье было не в талию, а балахоном, то сдирал с моей головы берет: «Что за блин, не можешь завести себе шляпу получше?»

III ЧАСТЬ

Своего старшего сына Яшу отец не любил, а когда тот после неудачного самоубийства заболел, стал относиться ещё хуже. Первый брак Яши быстро распался, через год он женился на хорошей женщине, оставленной мужем. Уля была еврейкой, и это тоже вызвало недовольство отца. Правда, в те годы он не высказывал своей ненависти к евреям так ясно, как после войны, но и ранее он не питал к ним симпатий. Но Яша был твёрд, они были разные люди: «Отец всегда говорит тезисами», — как-то сказал мне брат.

Началась война, и его часть направили туда, где происходила полнейшая неразбериха, в Белоруссию, под Барановичи. Скоро перестали получать какие-либо известия. В конце августа я говорила с отцом из Сочи. Уля стояла рядом, не отводя глаз от моего лица. Я спросила: почему нет известий от Яши? «Случилась беда, Яша попал в плен, — сказал отец и добавил, — не говори пока ничего его жене». Уля бросилась ко мне с вопросами, но я твердила, что он сам ничего не знает. У отца родилась мысль,

что это неспроста, что Яшу кто-то умышленно выдал, и не причастна ли к этому Уля. В сентябре в Москве он сказал мне: «Яшина дочка останется пока у тебя, а жена его, по-видимому, нечестный человек, надо в этом разобраться». Уля была арестована в октябре 1942 года и пробыла в тюрьме до весны 1943-го, когда выяснилось, что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и поведение Якова в плену убедило отца, что тот не собирался сдаваться в плен.

На Москву осенью сбрасывали листовки с Яшиными фотографиями — в гимнастёрке, без петлиц, худой и чёрный. Отец долго рассматривал Яшу, надеясь, что это фальшивка, но не узнав Яшу было невозможно. Спустя много лет возвратились люди, побывавшие в плену, было известно, что он вёл себя достойно и испытывал жестокое обращение. Зимой 1944 года отец вдруг сказал мне во время нашей редкой встречи: «Немцы предложили обменять Яшу на кого-либо из своих, стану я с ними торговаться, на войне как на войне». Он волновался, это было видно по его раздражённому тону, и больше он не стал говорить об этом. Потом он ещё раз вернулся к этому весной 1945 года: «Яшу расстреляли немцы, я получил письмо от бельгийского офицера, он был очевидцем». Такое же известие получил Ворошилов. Когда Яша погиб, отец почувствовал к нему какое-то тепло и осознал своё несправедливое отношение. Я видела недавно статью во французском журнале. Автор пишет, что отец отзвонил отрицательно на вопрос корреспондентов о том, находится ли в плену его сын, сделал вид, что не знает этого. Это было похоже на него. Отказаться от своих, забыть, как будто их не было. Впрочем, мы предали точно так же всех своих пленных. Позже была попытка увековечить Яшу как героя. Отец сказал мне, что Михаил Чиаурели при постановке своей марionеточной эпопеи «Падение Берлина» советовался с ним: стоит ли делать Яшу там как героя, но отец не согласился. Я думаю, он был прав. Чиаурели сделал бы из брата фальшивую куклу, как и из всех остальных — ему нужен был только сюжет для возвеличивания отца. Возможно, отцу просто не хотелось выпячивать своего родствен-

ника, всех их без исключения он считал не заслуживающими памяти.

Когда началась война, надо было уезжать из Москвы, чтобы продолжать учиться, нас собрали и отправили в Куйбышев. Поедет ли отец из Москвы, было неизвестно, на всякий случай грузили его библиотеку. В Куйбышеве нам отвели особняк на Пионерской улице, здесь был какой-то музей. Дом был наспех отремонтирован, пахло краской, а в коридорах мышами. Отец не писал, говорить с ним по телефону было очень трудно — он нервничал, сердился, отвечая, что ему некогда со мной разговаривать. Я приехала в Москву 28 октября, отец был в кремлёвском убежище, я пошла к нему. Комнаты были отделаны деревянными панелями, большой стол с приборами, как в Кунцево, точно такая же мебель, коменданты гордились тем, что скопировали Ближнюю дачу, считая, что этим угождают отцу. Пришли те же люди, что и всегда, только в военной форме. Все были возбуждены, кругом лежали и висели карты, отцу докладывали обстановку на фронтах. Наконец, он заметил меня: «Ну, как ты там?» — спросил он меня, не очень думая о своём вопросе. «Учусь, — ответила я, — там организовали специальную школу эвакуированных москвичей». Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза: «Как... специальную школу? Ах... вы, — он искал слово поприличнее, — ах вы каста проклятая, школу им отдельную подавай. Власик, подлец, это его рук дело». Он был прав: приехала столичная верхушка, привыкшая к комфортной жизни, скучающая здесь в скромных провинциальных квартирах, жившая на своих законах. Слава богу, я училась там только одну зиму и уже в июле вернулась в Москву. Я чувствовала себя страшно одинокой, может быть, возраст подходил такой: 16 лет — пора мечтаний, сомнений, испытаний, которых я раньше не знала.

В ту зиму обрушилось на меня страшное открытие — в американском журнале я наткнулась на статью об отце, где, как о давно известном факте, упоминалось, что его жена покончила с собой на 9 ноября 1932 года. Я была потрясена и не верила своим глазам, рванулась к бабушке за объяснениями, она подробно рассказала, как это произошло: «Ну, кто бы мог подумать, — удручённо говорила она, — кто бы мог подумать, что она это сделает». С тех пор мне не было покоя, я думала об отце, его характере, я искала причины. Всё связанное с недавним арестом Ули теперь кажется странным, я начала думать о том, что раньше никогда не думала, хотя это и были лишь попытки сомнений.

Осенью 1941 года было подготовлено в Куйбышеве жильё и для отца — выстроили несколько дач на берегу Волги, вырыли под землёй колоссальное убежище, в бывшем здании обкома устроили такие же пустые комнаты со столами и диванами, какие были в Москве. Но он так и не приехал.

В Москве меня ждала неприятность. Осенью было взорвано наше Зубалово, построили новый дом, не похожий на старый — несуразный, тёмно-зелёный. Жизнь Зубалова в зиму 1942 и 1943 годов была необычной и неприятной, в дом вошёл дух пьяного разгула. К брату Василию приезжали гости — спортсмены, актёры, друзья-лётчики, постоянно устраивались обильные возлияния с девочками, гремела радиолы. Шло веселье, как будто не было войны, и вместе с тем было предельно скучно.

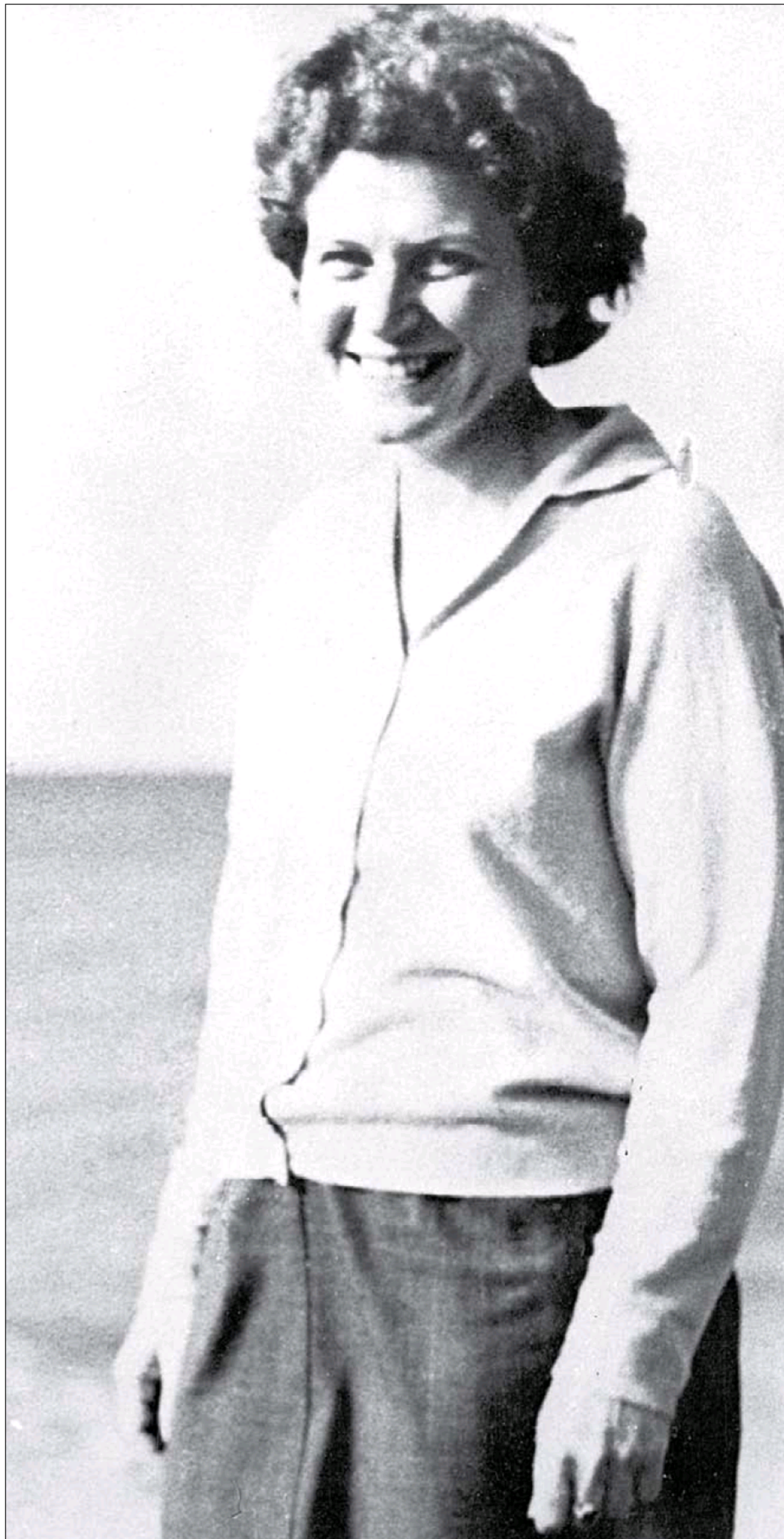
Осенью 1942 года в Москву приехал Черчилль, вечером он был у нас, обедал, и отец велел мне быть дома. Я поехала, думая, прилично ли сказать несколько слов на английском или лучше помалкивать. Отец был чрезвычайно радужен: «Это моя дочь, — сказал он гостю и добавил: — Рыжая». Черчилль заулыбался и заметил, что тоже в молодости был рыжим. Потом он сказал, что его дочь служит в Королевских воздушных силах. Отец поцеловал меня и сказал, что я могу идти заниматься своими делами. Ему хотелось выглядеть необыкновенным человеком, а Черчилль был ему симпатичен, что было заметно.

С октября я начала учиться в 10 классе. Мы все тогда упивались стихами, живописью, героикой... «Как это было, как совпало — война, мечта, беда и юность... Как это всё во мне запало — и только позже лишь очнулось...» В ту же зиму 1942 года я познакомилась с человеком, из-за которого навсегда испортились мои отношения с отцом, — с режиссёром Алексеем Каплером.

Он сейчас учит молодых специалистов в Институте кинематографии, пишет сценарии, ведёт по телевизору передачу «Кинопанорама». Он признанный старый мастер кинематографии, жизнь после 10 лет ссылки и лагерей вошла в нормальную колею, как и жизнь других, уцелевших и выживших после удара судьбы. Всего считанные часы провели мы вместе той зимой, а потом такие же считанные часы через 11 лет, встреча 40-летнего человека со школьницей. Я помню его приезд в Зубалово в конце 1942 года, был задуман новый фильм о лётчиках, и Василий взялся его консультировать. В первый момент мы не произвели, кажется, друг на друга никакого впечатления, но потом, на просмотре фильма в Гнезниковском переулке, мы впервые заговорили о кино.

Люся Каплер, как его звали тогда, был очень удивлён, что я вообще что-то понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик. Он предложил показать хороший фильм по своему выбору и привёз к нам в Зубалово «Королеву Крестину». Я была потрясена, а Люся доволен. Вскоре наступили ноябрьские праздники, было много народу, и после шумного застолья он неуверенно пригласил меня танцевать. Мне сшили тогда моё первое хорошее платье, я приколотла к нему мамину гранатовую брошь, а на ногах были полуботинки без каблучков. Должно быть, я выглядела смешным цыплёнком, но Люся заметил, что танцую я очень легко, и мне стало так хорошо, тепло и спокойно рядом с ним, я чувствовала доверие к этому дружелюбному человеку, захотелось вдруг положить ему голову на грудь и закрыть глаза. Я стала, не выпуская его рук, говорить о том, как мне скучно дома, как неинтересно с братом и сверстниками, о том, что сегодня 10 лет со дня смерти мамы и никто не помнит об этом. Всё полилось из сердца, но мы танцевали, и никто не обращал на нас внимания. Крепкие нити протянулись между нами в тот вечер, мы были уже не чужие, мы были друзья. Люся был удивлён, растроган, он имел дар лёгкого, непринуждённого общения с самыми разными людьми, до этого он возвратился из партизанского края Белоруссии, где собрал интересные материалы для фильма «Она защищает Родину». Нас неудержимо потянуло друг к другу, мы старались видаться как можно чаще, хотя это было неизменно трудно. Люся приходил к моей школе и стоял в подъезде соседнего дома, наблюдая за мной. Мы ходили в холодную Третьяковку в кино, смотрели выставку о войне. Мы бродили так долго, пока не отзвонили все звонки, потом ходили в театр, он показывал мне новые фильмы, давал взрослые книги о любви. Мы ходили по улицам тёмной заснеженной Москвы и никак не могли наговориться. А за нами поодаль шествовал мой «несчастный дядька» Михаил Климов, совершенно обескураженный сложившейся ситуацией и тем, что Люся с ним любезно здоровался и давал прикурить. Мы как-то и не реагировали на «дядьку», и он беззлобно смотрел на нас до поры до времени. Люся был для меня тогда самым добрым и прекрасным человеком, от него шли свет и очарование знаний.

Вскоре Люся уехал в Сталинград и сделал там потрясающий по своему рыцарству шаг. В конце ноября, развернув «Правду», я прочла в ней статью спецкора А. Каплера «Письмо лейте-

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА. 1948

нанта Л. из Сталинграда». В форме письма лейтенанта к своей любимой в нём рассказывалось обо всём, что происходило тогда в Сталинграде, и его чувствах. Я похолодела, представив себе отца, разворачивающего газету — ему уже доложили о моём очень странном поведении, и он уже однажды намекнул мне, что я веду себя недопустимо. А теперь он прочтёт статью, где всё так понятно, даже наши хождения в Третьяковку описаны совершенно точно. Кончалась статья словами: «Сейчас в Москве уже, наверное, полночь, снег, и из твоего окна видна зубчатая стена Кремля». Боже, что теперь будет?!

Люся вернулся в начале 1943 года, и я умоляла его больше не видаться и не звонить. Мы не виделись весь январь, но, не видясь, ещё больше думали друг о друге. Наконец я первая не выдержала и позво-

нила ему, и всё снова закрутилось. Мы каждый день говорили с ним по телефону не меньше часа, мои домашние были в ужасе. Решили как-то образумить Люсю, ему звонил полковник Румянцев, правая рука Власика, одна из фигур, охранявших отца. Он дипломатично предложил Люсе уехать из Москвы куда-нибудь в командировку, тот послал его и повесил трубку. Мы снова ходили в кино, театр и просто гуляли. Но тучи сгустились над нами, мы чувствовали это. В последние дни февраля мне исполнилось 17 лет, ни один из нас не имел возможности прийти к другому, мы могли найти только нейтральное место. На пустую квартиру возле Курского вокзала, где гулял иногда Василий, мы пришли в сопровождении моего «дядьки Климова», чем он был ужасно испуган. Так и сидел он в смежной комнате, делая вид, что читает газе-

ту, а на самом деле стараясь уловить, что происходит в соседней комнате. Мы не могли долго беседовать и целовались, молча, зная, что видимся в последний раз, нам было горько и сладко, мы были счастливы. Потом я пошла домой к себе усталая, разбитая, предчувствуя беду, а за мной топал «дядька», содрогавшийся от мысли, что теперь будет ему. На следующий день, 2 марта 1943 года, за Люсей приехали домой двое и поехали с ним на Лубянку, обыскали, объявили, что он арестован за связи с иностранцами. Он действительно был за границей и знал едва ли не всех иностранных корреспондентов. Этого было достаточно для обвинения в чём угодно. Обо мне не было произнесено ни одного слова.

IV ЧАСТЬ

В этот день, когда я собиралась в школу, неожиданно приехал отец и быстрым шагом прошёл в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня. Я никогда ещё не видела отца таким, он задыхался от гнева: «Где, где всё это, где все эти письма твоего писателя, я всё знаю, все твои телефонные разговоры вот здесь, — он похлопал себя по карману, — давай сюда, твой Каплер английский шпион, он арестован». Я достала из стола все фотографии с надписями Люси, его записные книжки, наброски рассказов, новый сценарий.

«Я люблю его», — сказала я, наконец обретая дар речи. «Любишь», — выкрикнул отец с невыразимой злостью, и я получила две пощёчины, первые в моей жизни. «Послушайте меня, няня, до чего она дошла: идёт война, а она занимается блядством! — он произнёс грубое мужицкое слово, других слов он не находил. — Ты посмотри, кому ты нужна, у него вокруг бабы, дура!»

Я была потрясена до основания. Что он шпион, я осознала как-то не сразу, и только потом поняла, что с ним теперь будет. Вернувшись из школы к обеду, я опять зашла к отцу. Он рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель, — бормотал он, — ему не стоит писать по-русски, уже не могла себе русского найти...» То, что Каплер еврей, раздражало его больше всего.

Люся был выслан на Север на 5 лет, жил в Воркуте, работал в театре. По окончании срока решил уехать в Киев к родителям, в Москву не разрешилось вернуться. Но всё-таки приехал в Москву, и когда сел в поезд, чтобы ехать в Киев, то в вагоне со следующей станции он был увезён совсем в другое место. Теперь он был выслан в страшный лагерь под Интой, работать в шахте ещё пять лет, за послушание. В марте 1953 года кончился его срок, он просил вернуться в Воркутинский театр, чтобы поселиться там, но неожиданно его снова перевели на Лубянку в Москву, в июне ему сказали: «Вы свободны, можете идти домой». Он вышел и пошёл по летней Москве, которой не видел столько лет.

Весной 1943 года я кончила школу, показала отцу аттестат и сказала, что хочу поступить в университет, на филологический. «В литераторы хочешь, надо знать историю общества, изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь». В доме опять стало тихо и скучно. Зубалово закрыли, отец сказал, что мы превратили его в вертеп. Гуля, дочь Яши, вернулась к своей матери, два года прожившей в тюрьме по статье, считавшейся родственницей тех, кто сдался в плен. Василий был изгнан из Зубалова, как и я, за разложение и по личному приказу отца получил от него 10 суток карцера.

Весной 1944 года я вышла замуж. Григорий Морозов, студент, как и я, был знаком мне давно. Но он опять еврей, и это не устраивало моего отца, он был мной разочарован. «Чёрт с тобой, делай что хочешь», — сказал он мне, когда я приехала к нему для разговора об этом шаге. Это значило, что он не будет препятствовать, и мы три года прожили спокойно: учились, я родила ребёнка и отдала его растить двум няням — моей и Яшиной дочери. Только на одном отец настоял — чтобы моего мужа не было в его доме. Нам дали квартиру, и лишь

“ | Светлана Аллилуева: «Вокруг отца образовался вакуум. Это была система, в которой он сам был узником, в которой задыхался от безлюдья, одиночества, пустоты»

одного отец лишил нас — своего радужия, любви, он ни разу не встретился с моим мужем и твёрдо сказал, что этого не будет. «Слишком он у тебя расчётлив, — говорил он мне, — смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видите ли, в тылу окопался». Я молчала и не настаивала на встрече, она плохо бы кончилась.

Затем я увидела отца только в августе 1945 года, все были заняты сообщением об атомной бомбардировке, и отец нервничал, невнимательно разговаривал со мной. А у меня были для него новости, родился сын, и его назвали Иосиф. С мужем я рассталась весной 1947 года, через три года, по причине личного характера. За последние два года видела отца два раза, он долго и трудно болел, но летом 1946 года, впервые после 1937-го, поехал на юг. Поехал на машине, разбитыми дорогами потянулась огромная процессия, на ночёвку останавливались у секретарей обкомов и райкомов. Отец хотел своими глазами видеть, как живут люди, нервничал, что они живут в землянках, что кругом одни развалины. На юг к нему приехал Хрущёв, похвалившийся арбузами и дынями в обхват, фруктами и овощами Украины. А там был голод, и крестьянки пахали на коровах.

Летом 1947 года он пригласил меня к себе в Сочи, на Холодную речку. Нам было трудно говорить и не о чем, мы гуляли иногда, я читала вслух газеты, ему это нравилось. Он постарел, ему хотелось покоя. Вскоре я уехала в Москву, начинались занятия в университете. До 1949 года я жила совсем изолированно, каждый мой шаг был под наблюдением. Поэтому дом Ждановых, где я часто стала бывать после смерти А. Жданова, казался мне очень весёлым, в моей полудикой жизни это был оазис, я стала там своей. Отец любил Жданова, уважал его сына и всегда желал, чтобы семьи наши породнились. Это вскоре и произошло — весной 1949 года, без особой любви и привязанности, так сказать, по расчёту и здравому размышлению. Мне казалось, что это даст мне какую-нибудь свободу, откроет доступ к людям. Отцу хотелось другое: «Зачем тебе жить у Ждановых,

“ Когда я уходила, отец отозвал меня в сторону и дал денег — он так делал после реформы 1947 года, отменившей бесплатное содержание семей членов Политбюро.

там тебя съедят бабы, там слишком много баб». Отец не переносил вдову Жданова и её сестёр. Я испугалась, я не хотела оставаться у отца в доме, да и Юрий Андреевич ни за что не переехал бы к нам. А отец, по-видимому, томился одиночеством. Он был уже так вознесён, что вокруг него образовался вакуум. Не с кем было молвить слово. Он был раздражён, ругал меня при всех, что из меня всё ещё не вышло ничего путного, обзывал дармоедкой.

В ноябре 1948 года мы возвращались в Москву вместе поездом. На станциях выходили гулять на перрон, пассажиров не было видно, поезд был специальный, на перрон никто не выходил. Это была система, в которой он сам был узником, в которой задышался от безлюдья, одиночества, пустоты. Поезд остановился где-то в Подмосковье, не доезжая вокзала. Подали машины, сзади ехал генерал Власик, ожиревший и опухший от важности и коньяка. Были и прочие, разжившиеся на казённых харчах, их ехал целый поезд, свита, двор прихлебателей. Отец скрежетал зубами, глядя на них, и не упускал возможности сорвать на ком-нибудь свою злость.

В конце 1948 года поднялась новая волна арестов, попали в тюрьму все мои тётки, все их знакомые, арестовали отца моего первого мужа, жену Молотова, Лозовского, убили Михоэлса, все они обвинялись в сионизме. «Сионисты подбросили тебе твоего мужа, — сказал мне отец, — сионизмом заражено всё старшее поколение, а оно и молодёжь учит». Прото́к сказал, что они слишком много знают и слишком много болтают, а это на руку врагу. Он всюду видел врагов, это была мания преследования от опустошений и одиночества: «У тебя тоже бывают антисоветские выражения». Я не стала возражать и спрашивать, откуда у него такие сведения...

TOP PHOTO: VOSTOCK PHOTO

НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА С ДОЧЕРЬЮ. МОСКВА. 1930-Е

Весной 1949 года я кончила университет и вышла за Жданова, переехала в его кремлёвскую квартиру. Отец был не так далёк от истины, у нас дома было неуютно и трудно жить, но отсутствовал мешанский дух, а в доме, куда я попала, я столкнулась с показной, ханжеской, формальной партийностью, с самым махровым мешанством. Сундуки были полные добра, салфеточек, копеечных натюрмортов на стене. Я попросила, чтобы со мной жила моя няня, но мне было заявлено, что некультурной старухе здесь нечего делать, она только будет портить воздух. В зиму 1949 года я ждала ребёнка, и это происходило в отличие от первого раза ужасно, попала в больницу и вернулась оттуда измученная одиночеством и болезнью, сознанием неудачи второго брака, неприязнью к дому, в котором предстояло жить...

С отцом встретилась весной 1951 года в Грузии, в Боржоми, ему было уже 72 года, но он бодро ходил своей стремительной походкой, а за ним по парку ковыляли толстые генералы охраны. Иногда он менял направление, натёкался на них, и тогда он распекал попавшего под руку. Неприятно ему была сама дорога сюда, отец не выносил рукоплещущей толпы, у него перекашивалось лицо от раздражения. По дороге от Боржоми мы с Василием заехали в Гори. К сожалению, эта поездка была отравлена официальными почестями и осмотром музея Сталина. Лачужка, где жила семья сапожника, была покрыта сверху мраморным павильоном, похожим на станцию метро...

Я вспомнила своё посещение бабушки в 1934 году, она жила в каком-то старом красивом дворце с парком, а занимала в нём тёмную комнату. В углу стояла железная кровать. В комнате было полно старух, все в чёрном, как и полагается в Грузии. На кровати сидела старая женщина, она порывисто обняла нас и что-то заговорила по-грузински, понимал один Яша, мы с Василием стояли молча. Лицо и руки её были покрыты веснушками, я знала, что в молодости бабушка была рыжей, это считается в Грузии красивым. После 1951 года отец не выезжал из Москвы и жил в Кунцево, которое всё перестраивалось.

TOP PHOTO: VOSTOCK PHOTO

СВЕТЛАНА. 1935

Я видела его последний раз в декабре 1952 года, он плохо выглядел в этот день. В связи с болезнью он дважды после XIX съезда заявлял в ЦК о своём желании уйти в отставку, неожиданно бросил курить, ощущая повышенное давление... Но врач Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял — сам принимал какие-то таблетки с несколькими каплями йода, откуда-то брал эти фельдшерские рецепты. За сутки до удара он был в бане, устроенной у него на даче в отдельном домике, и парился там по своей привычке. Любо́й врач не разрешил бы этого, но врачей не было.

Последнее время обычными лицами за столом были Берия, Маленков, Булганин, Микоян, появлялся Хрущёв. Молотов был фактически не у дел, и даже в дни болезни отца его не позвали. В последнее время даже его приближённые были в опале: неизменный Власик сел в тюрьму (неразборчиво) 1953 года, тогда же был отстранён личный секретарь Поскрёбышев...

Странно — отец не курит, у него красный цвет лица, но он, как всегда, пьёт вино маленькими глотками, слабое, лёгкое, ароматное. Когда я уходила, отец отозвал меня в сторону и дал денег — он так делал после реформы 1947 года, отменившей бесплатное содержание семей членов Политбюро. До сих пор я вообще существовала без денег, не считая университетской стипендии. С осени 1947 года отец иногда спрашивал: нужны ли мне деньги? Я не знала, что ответить, а он не вёл счёта современным деньгам, жил дореволюционными представлениями, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне 3—4 тысячи рублей, он считал, что даёт миллион. Вся его зарплата откладывалась у него на столе, не зная, была ли у него сберкнижка. Денег сам он не тратил, ему некуда и не на что было тратить, весь его быт оплачивался специальным управлением где-то в системе МГБ, а там своя бухгалтерия, и тратили сколько хотели. Он и сам не знал сколько, иногда он набрасывался на своих помощников и генералов охраны: «Дармоеды, наживаетесь здесь, знаю, сколько у вас денег сквозь сито протекает!» Но он ничего не знал, а только чувствовал, что улетают огромные средства.

Когда я развелась со своим вторым мужем, мне дали квартиру в городе. Но отец был недоволен разводом: «Дармоедкой живёшь, на всём готовом», — сказал он как-то в раздражении, но, узнав, что я плачу за свои готовые обеды в столовой, несколько успокоился.

В ЧАСТЬ

Моего брата Василия тоже вызвали 2 марта 1953 года. Он сидел несколько часов в зале, полном народу, но, как обычно в последнее время, был пьян и скоро ушёл. Дома шумел, разносил вазы, кричал, бог знает что. Он был в то время слушателем академии Генштаба, куда его заставил поступить отец, возмущившийся его невежеством. Но он не учился, он уже не мог, он был совсем больной человек, алкоголик. Василий начинал войну 20-летним капитаном, а окончил её 24-летним генерал-лейтенантом. Его тащили за уши наверх, не считаясь ни с его силами, ни с его способностями, ни с его недостатками, думая угодить отцу. В 1947 году он вернулся из Германии, и его сделали командующим авиацией Московского военного округа, несмотря на то, что, будучи алкоголиком, он сам уже не мог летать. С этим никто не считался. Отец видел его состояние, ругал беспощадно, унижал и бранил при всех, как мальчишку. Это не помогло, с болезнью надо было бороться иначе, а Василий этого не желал, и никто не осмеливался ему предложить. Отец был для него единственным авторитетом, остальных он вообще не считал людьми, стоящими внимания. Какие-то тёмные люди — футболисты, борцы, тренеры толклись вокруг него, подбивая на аферы и махинации с футбольными и хоккейными командами, на строительство каких-то сооружений, бассейнов, Дворцов культуры. Он не считался с казной, распоряжался в округе огромными суммами и не знал цены деньгам. Жил в огромной казённой даче, развёл хозяйство, псарню, конюшню,

РАБОТНИКИ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В ВОРКУТЕ. ТРЕТИЙ СПРАВА — АЛЕКСЕЙ КАПЛЕР. 1944

ему всё давали, всё разрешали. Власик стремился ему угодить, чтобы Василий мог выгородить его перед отцом. Он позволял себе всё — убирал немилых ему людей, кое-кого посадил в тюрьму. Ему покровительствовали Берия, Абакумов, Булганин, им вертели, как марионеткой, давали ордена, погоны, автомобили, лошадей, его портили, разрешали всё, пока он был нужен. А после смерти отца

бросили и забыли. С Московского округа его снял ещё отец. Первого мая 1952 года командование запретило полёт авиации через Красную площадь, так как было пасмурно и ветрено, но Василий распорядился сам, авиация прошла плохо, вразброс, чуть не задев шпиль Исторического музея, а на посадке несколько человек разбилось. Отец подписал приказ о снятии Василия и пред-

ложил ему поступить в академию Генштаба, Василий согласился. Но ни разу там не был, его надо было лечить от алкоголизма. Но кто будет лечить насилием генерала, да ещё такого генерала. Он сидел на даче и пил, ему не надо было много, после глотка водки он валился на диван и спал. Смерть отца потрясла его — он был в ужасе, считая, что отца убили, отравили, он видел, что рушится мир, без которого существовать ему будет невозможно. На всех бросался с упреками, обвинил правительство, врачей, что не так лечили, не так хоронили. Он утратил представление о реальном мире, о своём месте. Предложили утихомириться, предложили работать, командовать одним из округов — он наотрез отказался, только Москва. Только авиация Московского округа, не меньше. Тогда ему просто приказали куда-то уехать и работать там. Он отказался, предпочёл уйти из армии.

Теперь и сидел дома, и пил «генерал в отставке». Свою третью жену он выгнал, вторая жена, которую он снова привёл домой, ушла от него сама. И он остался совершенно один: без работы, без друзей, никому не нужный. Тогда он совсем потерял голову — апрель 1953 года провёл в ресторанах, пил с кем попало, сам не понимая, что говорил, поносил всех и вся. Его предупреждали, что это может плохо кончиться, он на всех плевал, он забыл, что время не то и что он уже не та фигура. После попойки с какими-то иностранцами его арестовали. Началось следствие, выплыли аферы, растраты, случаи рукоприкладства при исполнении служебных обязанностей и превышение власти сверх всякой меры, обнаружилось интриги на весьма высоком уровне, в результате которых кто попал в тюрьму, а кто погиб.

Вернули генерала Новикова, попавшего в тюрьму с его лёгкой руки, теперь все были против него, его никто не защищал, только подливали масла в огонь. На него показывали все — от адъютанта до начальника штаба, от министра обороны до генералов, с которыми он не ладил, накопилось столько обвинений, что их хватило бы на десятерых. Военная коллегия дала ему 8 лет тюрьмы, оттуда он писал в правительство письма, полные отчаяния с признанием всех обвинений и даже с угрозами. Он забывал, что он уже никто и ничто. Зимой 1954 года он заболел, и его перевели в тюремный госпиталь. Над ним сжалились и оттуда хотели отправить в больницу, санаторий и домой на дачу. Об этом мне сказал Хрущёв,

“ В конце 1948 года поднялась новая волна арестов, попали в тюрьму все мои тётки, все их знакомые, арестовали отца моего первого мужа. Про тёток отец сказал, что они слишком много знают и слишком много болтают, а это на руку врагу.

СВЕТЛАНА СО СВОИМ БРАТОМ ВАСИЛИЕМ. 1940-Е

СВЕТЛАНА И ВАСИЛИЙ. 1940-Е

вызвавший меня к себе в декабре, но всё вышло иначе — в госпитале его стали навещать старые дружки, приехали какие-то грузины, привезли бутылки, он снова сошёл с рельс, забыл про обещания, шумел, кричал, угрожал, требовал невозможного. В результате он попал во Владимирскую тюрьму, и приговор Военной коллегии остался в силе. Я навещала его там с третьей женой Капитолиной, от всего сердца пытавшейся помочь ему. Мы встречались в кабинете начальника тюрьмы, над его столом висел ещё огромный портрет отца, и Василий требовал от нас ходить, звонить, говорить, где только возможно, вызволять его отсюда любой ценой. Он был в отчаянии, метался, искал, кого бы попросить, кому написать. Он писал письма всем членам правительства, вспоминал общие встречи, обещал, уверяя, что будет другим. Капитолина говорила ему: «Не пиши никуда, потерпи, осталось недолго, веди себя достойно». Он набрасывался на неё: «Я прошу тебя о помощи, а ты советуешь молчать». Потом говорил со мной, называя лиц, к которым следует обратиться: «Но ведь ты сам можешь написать кому угодно, — говорила я, — твоё собственное слово куда важнее».

Была у него идея связаться даже с китайцами. «Они мне помогут», — говорил он. Мы с Капитолиной никуда не ходили, не писали, я знала, что Хрущёв сам стремится помочь ему. Во Владимире брат пробыл до января 1955 года, когда меня вызвал Хрущёв. Был план, не знаю кем придуманный, предложить Василию жить где-нибудь в Москве, работать, вызвать семью, сменить фамилию на менее громкую. Хрущёв вызвал Василия и говорил с ним больше часа, он принял его как отец родной, они расцеловались и оба плакали.

Всё кончилось хорошо, Василий остался жить в Москве, ему дали квартиру на Фрунзенской набережной и дачу в Жуковке, недалеко от меня. Генеральское звание, пенсия, машина, партийный билет без перерыва стажа — всё это было возвращено ему вместе с орденами. Его просили лишь об одном — найти себе какое-нибудь занятие и жить спокойно, тихо, не мешая другим и самому себе, просили не ездить в Грузию. Несколько

месяцев он жил спокойно и быстро почувствовал себя тем же, что и раньше, — вокруг него немедленно собрались какие-то типы из Грузии, тащили его в «Арагви», пили, славословили, курили ему фимиами, опять он почувствовал себя наследным принцем. Нашлась немолодая грузинка, предложившая ему жениться на ней и уехать в Сухуми, он опять пил, дружки поили его беспощадно. В апреле 1955 года он уехал в Kislovodsk, туда из Грузии приехали какие-то проходимцы на машинах, звали его с собой, его дочь Надя писала оттуда, что опять сплошные попойки, ведёт себя очень шумно, скандально, всем грозит и всех учит, что посмотреть на него сбегается весь Kislovodsk. Затем куда-то исчез и через неделю объявился в доме какой-то стрелочницы.

Когда он возвратился в Москву, то пробыл тут недолго, в конце апреля его отправили продолжать свой срок, то есть 8 лет, который ему так милостиво разрешили прервать, теперь он должен был сидеть до конца, поскольку на свободе он вёл себя не должным образом. Весной 1961 года его всё-таки выпустили из Лефортовской тюрьмы по состоянию здоровья — у него была больная печень, язва желудка и полное истощение всего организма: он всю жизнь ничего не ел, а только заливал желудок своей водкой. Его отпустили, запретив только жить в Москве и Грузии. Он почему-то выбрал Казань и уехал туда со случайной женщиной, медсестрой, оказавшейся возле него в больнице. Там ему дали однокомнатную квартиру, пенсию генерала в отставку. 19 марта 1962 года он умер, не приходя с суток в сознание после попойки с грузинами. Ему был 41 год, вскрытие показало полное разрушение организма алкоголем...

VI ЧАСТЬ

Вот уже 12 лет, как умер отец. Вернулись из тюрьмы мои тётки, из казахстанской ссылки сын Сванидзе, вернулись все те, кто уцелел. Поднялась каменная плита, давившая всех нас, но слишком много осталось без изменения. Всю жизнь рядом со мной жила моя няня, она умерла в 1956 году, на 70-м году жизни. Была родом из Рязанской губернии, её семья принадлежала помещице Бер, там и служила 13-летняя Саша. Бер была в родстве с Герингами, у тех служила нянина тётка Анна Дмитриевна, вырастившая праправнуков Пушкина, с которыми до последнего времени жила она на Плотниковом переулке. В этих двух семьях жила бабуся в горничных, откуда и переманили её к нам. Раз как-то Горький приехал к отцу в Зубалово, в 1930 году, ещё при маме. Бабуся моя выглядывала в переднюю через щёлку приоткрытой двери, её оттуда вытащил за руку Ворошилов, которому она объяснила, что очень хочется на Горького посмотреть. Алексей Максимович спросил её, что она читала из его книг и что ей больше всего понравилось. Горький был удивлён, когда она перечислила почти всё. Горький был очень доволен и пожал ей руку. Как чудесно рассказывала она мне о 1920-х годах, тогдашнем Кремле, жёнах Троцкого,

Бухарина, Кларе Цеткин, о приезде Тельмана к отцу, о сёстрах Менжинского и семье Дзержинского — это была живая летопись века. Когда перед войной вся наша обслуга военнизировалась, её оформили в качестве сотрудника ГБ, аттестовали как младшего сержанта, она восприняла это как дурацкую шутку и козыряла на кухне повару. Когда она умерла, мы с её сыном решили её похоронить на Новодевичьем. Я кинулась звонить Ворошилову, он огорчился, заплакал, и мы похоронили её рядом с мамой. Суд истории строг, он ещё разберётся, кто был героем во имя добра, а кто во имя тщеславия и суеты, не мне судить. Пусть судят те, кто вырастет позже, пусть придут молодые, которым все эти годы будут казаться вроде царствования Ивана Грозного, такие далёкие, непонятные, странные и страшные. И вряд ли они назовут это время прогрессивным. Они перевернут страницу истории своей страны с чувством мучительной боли, недоумения. И это чувство заставит их жить иначе, ибо всё, что живёт, дышит, светит — всё существует только добром и разумом, во имя их на нашей милой измученной земле.

Жуковка, август 1965 года.

Самиздатовскую рукопись воспоминаний Светланы Аллилуевой подготовил к печати журналист и историк Николай Над.

ВАСИЛИЙ С СУПРУГОЙ КАТЕРИНОЙ ТИМОШЕНКО
НА ЦЕРЕМОНИИ ПРОЩАНИЯ С И.В. СТАЛИНЫМ. 8 МАРТА 1953

“ Первого мая 1952 года командование запретило полёт авиации через Красную площадь, так как было пасмурно и ветрено, но Василий распорядился сам, авиация прошла плохо, вразброс, а на посадке несколько человек разбилось.

Дело дочери маршала Блюхера

Интервью с дочерью легендарного командарма Василия Блюхера, кавалера ордена Красного Знамени №1 и ордена Красной Звезды №1. «Мне не хочется сводить счёты, мне хочется, вспоминая отца, говорить правду и только правду»

Владимир ЖЕЛТОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В 1978-м моя хорошая знакомая, работник Калининского райисполкома, оформляла пенсию Зое Блюхер. От неё-то я и узнал, что дочь легендарного красного командира, первого кавалера первого советского ордена – Боевого Красного Знамени, одного из пяти первых советских маршалов Василия Константиновича Блюхера живёт в Ленинграде, на проспекте Металлистов. В нарушение служебных инструкций мне было позволено познакомиться с некоторыми документами, которые могли меня как студента-историка заинтересовать.

Зная непростую судьбу Зои Васильевны и понимая, что всей правды она не расскажет, если вообще станет со мной говорить, я не решился её беспокоить. Наша встреча состоялась только в 2001-м. По не зависящим от меня причинам интервью опубликовано не было, а потом и вовсе исчезло из редакционного компьютера. А совсем недавно совершенно случайно в моём домашнем архиве обнаружилась расшифровка аудиозаписи нашей беседы. Перечитав текст, я решил узнать, жива ли Зоя Васильевна. Выяснилось: дочь маршала Блюхера умерла 24 ноября 2016 года – на 94-м году жизни...

— Зоя Васильевна, проспект Маршала Блюхера на карте Ленинграда появился в 1980 году. Вы жили по соседству, на проспекте Металлистов. Такое впечатление...

— Нет-нет, никакой взаимосвязи здесь нет! Другое дело, что, когда вновь образованному проспекту было присвоено папино имя, по инициативе Романова (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС — Ред.) появилось постановление Ленгорисполкома, повелевавшее поселить нас с мужем на проспекте Маршала Блюхера. Вероятно, по примеру Москвы. Так, в столице Светлану Тухачевскую переселили на улицу Маршала Тухачевского. Кто-то решил, что это символично: дети живут на улицах, которые носят имена их родителей. Но в моём случае из этой затеи ничего не получилось. Прошёл год, два — всё заглохло. Я не возникала — квартира у нас была, и стремиться к получению какой-то другой и даже к переезду мне просто не хотелось. Через три года позвонили и сказали: извините, новое строительство на проспекте Маршала Блюхера не планируется, а квартиры в построенных домах совершенно такие же, как ваша, но скоро сдаётся дом в пяти минутах ходьбы от вас и от проспекта Блюхера, и, если хотите, можете переехать. Дом этот, на углу проспектов Металлистов и Пискаревского, строился на наших глазах. Мы согласились и переехали. Как бы там и что бы там ни было, что бы ни говорили о Романове,

РЯДОВОЙ РУССКОЙ АРМИИ ВАСИЛИЙ БЛЮХЕР – БУДУЩИЙ МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

я бесконечно благодарна Григорию Васильевичу за то, что он увековечил память моего отца.

— Ваш первый ленинградский адрес необычный: Петропавловская крепость...

— Вот это символично для нашей семьи, которая имеет очень трагическую судьбу. Почему Петропавловская крепость? Потому что в 1922 году, когда отец приехал в Петроград, его с семьёй (уже был мой старший брат Всеволод) поселили в Комендантском доме Петропавловской крепости. Когда я родилась, в 1923-м, отцу предоставили квартиру на улице, которая называлась Комиссаровская, потом — Дзержинского, а теперь, как и первоначально, — Гороховая. Это угол Гороховой и Малой Морской, бывшей Гоголя. К 75-летию со дня рождения папы на доме установили мемориальную доску. Там мы и жили до отъезда в Китай.

Нужно обязательно сказать несколько слов о наших переездах, о нашем быте. Генерал Колчигин, принимавший вещи Блюхера из Сибири, рассказывал: «Один ящик с книгами, второй ящик с книгами, третий ящик с книгами». Колчигин спрашивает: «Когда же будут вещи?» Вещи были — два небольших чемодана! О книгах не могу не сказать, потому что я — профессиональный библиотекарь. Книги чемоданами отец возил с собой не только в мирное время, но и всю Гражданскую войну. Украина, Крым, Урал, Сибирь, весь Дальний Восток... Книги по военному делу, по истории, по философии, по филологии, художественная литература. Причём это было не просто собрание книг, это была настоящая библиотека: каждая книга пронумерована, указан раздел, к которому она относилась, на каждой книге — печать Блюхера. Так что, куда бы родители ни приезжали, папа свою библиотеку мог быстро и легко привести в порядок. После его ареста книги попали в спецхран. Не знаю, может быть, после того, как во время перестройки произвели передачу литературы из спецхранов в открытый доступ, на библиотечных полках появились и папины книги. Три книги, что каким-то чудом остались не изъяты и сохранялись у меня, например «История французской революции», переданы мной в музей.

— Согласитесь: одно дело — собирать библиотеку, а другое — читать. Я очень часто задаю вопрос: откуда у таких людей, как Василий Константинович, время для чтения?

— Находил как-то. Урывками читал. По ночам. В книгах были его пометки. Особенно много отец читал во время, которое называл «мирной передышкой». Закончилась Гражданская война, он был назначен временно исполняющим обязанности начальника гарнизона Петрограда, готовился к поступлению в военную академию. Притом что имел только начальное образование — обучался в церковно-приходской школе. Папа нанял репетитора и экстерном сдал за курс гимназии. У него было буквально школьное расписание! После перевода в Москву он учился в Московском народном универ-

«РИА НОВОСТИ»

СЕМЬЯ БЛЮХЕР В ЛЕНИНГРАДЕ, КРАЙНЯЯ СПРАВА СТОИТ ПРИЁМНАЯ ДОЧЬ ПОЛКОВОДЦА – КАТЯ. 1927

ситете им. А.Л. Шанявского. Но его мечты о поступлении в академию не сбылись.

— Помешал Китай?

— С 1924 года Блюхер — на военно-дипломатической работе. По решению Центрального комитета ВКП(б) и советского правительства он по просьбе революционного правительства Сунь Ятсена (в 1923 — 1925 годы — генералиссимус военного правительства Националистического Китая. — Ред.) назначается на должность главного военного советника Народно-революционной армии Китая. В Китае все советские работали не под своими именами. Папа, когда его спросили, какой он возьмёт псевдоним, сказал: «Я буду генералом Галиным. Жена моя — Галина. А имя и отчество — по именам детей: Зой Всеволодович». Его пытались переубедить: «Василий Константинович, нет такого имени — Зой!» Теперь есть. Могу показать документ — вид на жительство, на французском языке, где написано: «Зой Галин». Очень многие, кому не положено было знать, гадали, кто такой генерал Галин. Всевозможные легенды ходили на этот счёт. Но псевдонимы не раскрывались. Раскрыл его собственный сын. Отец куда-то отлучился, а Всеволод остался в его машине. Налетели журналисты: «Мальчик, как фамилия твоего папы?» — «Блюхер». Мои первые воспоминания связаны с Китаем. Сохранилось

несколько фотоснимков — можно видеть, какими мы с братом уехали в Китай. Папа подарил нам машину! Четырёхместную, педальную, естественно.

— Сохранились снимки — у вас сохранились?

— Не у меня. У меня ничего не сохранилось! Мне, как вы знаете, пришлось пройти и через тюрьмы, и через ссылку. В течение 18 лет я была заклеена как дочь даже не врага, а врагов народа, потому что мама, Галина Павловна Покровская, тоже была врагом народа. Правда, при обыске, когда арестовывали маму, барвихинский альбом мне оставили. Наверное, потому что там отец не в маршальской форме. Какие-то снимки сохранились у людей, которые не боялись и не верили, что Блюхер — враг народа. Одну фотографию бывшая наша няня хранила 60 лет! В тайнике!

После Китая — там же произошёл контрреволюционный переворот, и наши советники вернулись на родину — папа получил новое назначение. Сначала, очень недолго, был на Украине. А потом, с 1929 года, уже бессменно — командующий Особой Дальневосточной армией. Резиденция находилась в Хабаровске. Мы жили в особняке, который прежде принадлежал японскому посольству. Это был двухэтажный дом: восемь комнат вверх, восемь — вниз. Нижними не пользовались. Там были библиотека, бильярдная,

комната для гостей. На доме этом теперь тоже мемориальная доска.

— Ваши родители вместе прожили лет пять и развелись...

— Расстались очень по-дружески. Обычно дети переживают развод родителей. Но в нашем случае этого не было и в помине. Сейчас даже трудно себе представить, что могло быть иначе. Настолько были сглажены все углы. Мама прошла с отцом всю Гражданскую войну, была с ним в Китае. Это, кстати, и послужило основным обвинением: 58-я статья, тут и шпионаж, и... Всё, что можно было только предъявить, маме было предъявлено.

— После развода родители вас с братом «поделили»?

— Я осталась с мамой. Сначала мы жили троём — мама, Сева и я. Вернувшись из Китая, поселились мы в «Астории», потом, когда гостиница была передана акционерному обществу «Интурист» (это, чтобы мне не соврать, 1929 или 1930 год), мы переехали в квартиру на канале Грибоедова.

У брата моего были слабые лёгкие, и вскоре папа решил, что ему надо подлечиться. И Сева уехал в Кисловодск на довольно долгое время. А потом родители договорились, что Сева поживёт с отцом, а я с мамой. В 1931 году я пошла в школу — на улице Плеханова замечательная школа была, до революции очень известная гим-

назия. Там я отучилась первые четыре класса. Должна признаться, не очень серьёзно относилась к учёбе. И должна сказать, что родители не принуждали ни к чему. То, что по каким-то предметам были тройки, никого не волновало. Необязательно было учиться на отлично. У нас не было, как в некоторых семьях: и отличные оценки, и английский язык, и музыка, и плавание — обязательно! Часто дети не хотят чего-то — хотят родители. Мама хотела, чтобы я училась на скрипке — я категорически не хотела. Никто не настаивал. У нас было так: хочешь заниматься музыкой — пожалуйста. Сева хотел учиться играть на аккордеоне — пожалуйста. Папина племянница Катя выбрала пианино — пожалуйста.

Потом мы переехали на другую квартиру, в Выборгский Дом культуры. Непосредственно в Дом культуры. Почему, зачем — не знаю. С пятого класса я училась в школе №107 в Нейшлотском переулке, тоже бывшая гимназия. Здесь я уже к учёбе относилась серьёзно. Какой-то перелом произошёл в сознании.

ЧЛЕН СЕМЬИ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ

— Вы учились под фамилией Блюхер?

— Я была Блюхер-Покровская. Когда я получала паспорт, мне объяснили, что, во-первых, у нас такой закон (сейчас он, по-моему, отменён), что двойной фамилии быть не должно, а во-вторых... «Во-вторых» не было! Мне просто выдали паспорт на фамилию Покровская. Начальник паспортного стола сказала: «Иначе вам не жить!» Так что меня даже

“ Когда поезд с детьми с Поволжья прибыл, папа велел маме: «Пойди, возьми девочку, но такую, которую никто не возьмёт!» Мама взяла Катю.

ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК ВАСИЛИЙ БЛЮХЕР (СЛЕВА) В КИТАЕ, В РАЙОНЕ НАНКИНА

не спрашивали. Родителей уже год как не было. Но об этом я не знала. Только в 1956-м я получила одновременно документы об их гибели и о реабилитации. В свидетельстве о смерти мамы было сказано: умерла в 1944 году. И никаких уточнений! Я могла думать, что она отбывала срок в концлагере где-нибудь в Казахстане и там погибла. Ничего подобного! Она погибла в застенках Лефортово, где и отец. Только отец раньше — он был убит на 18-й день после ареста.

— Зоя Васильевна, я своими глазами видел справку из Главной военной прокуратуры, где было сказано, что Василий Константинович Блюхер умер от закупорки лёгочных артерий. Я интересовался у знакомого военного медика, что такое «закупорка лёгочных артерий».

— И что он сказал?

— Вначале спросил: «В связи с чем вопрос?» — «Потом скажу». — «Как бы тебе попроще объяснить?.. — военврач не спешил с ответом. — Ну вот если тебя как следует попинать ногами, то у тебя может случиться закупорка лёгочных артерий».

— Теперь говорят: Блюхер скоропостижно скончался в кабинете врача. Так ли это? Как было на самом деле? Мама была расстреляна, и другие родственники тоже. Сведения, приводимые в выдаваемых документах, часто и во многом не соответствовали действительности.

— Как вы узнали об аресте отца? Вы присутствовали в момент ареста мамы?

— Во-первых, отец и мама были арестованы в один и тот же день — 22 октября 1938 года. Отец по приглашению Ворошилова находился в Сочи. Климент Ефремович настоял, чтобы папа остановился у него. Хотя остановиться он мог в очень многих местах, потому что там, как и сейчас, далеко не одна госдача. Арестовали папу на даче Ворошилова. А мама была арестована здесь, в Ленинграде.

Был вечер, часов одиннадцать. Выхожу из ванной комнаты в халатике и вижу: у печки (у нас была круглая печь) стоит мужчина. Как выяснилось, это был двор-

ник. Понятно. А ещё трое мужчин перебирают какие-то бумаги. У одного (он сидел на стуле) на коленях толстый-пре-толстый альбом с фотографиями, наш с папой. Тот самый, о котором я уже упомянула, барвихинский. Где только я и он. Когда отцу присвоили звание «Маршал Советского Союза», мы с ним жили сначала в Москве, потом в правительственном санатории «Барвиха». Много фотографировались. Мужчина листает, листает альбом, рассматривает фотографии и вдруг спрашивает у меня: «А кто же ваш отец?» Я говорю: «Папа — Маршал Советского Союза». — «Гм». Я как-то не придавала значения этому «гм». Я никак не могла понять, что происходит. Мама стояла взволнованная, бабушка, мамина мама, ещё была, но её я в этой ситуации не запомнила. Не могу рассказать вам подробности, потому что было состояние... Шока! Когда поняла, что обыск, поняла: значит, арест. Обыск закончился. Мама оделась. Говорит: «Всё выяснится. Я скоро вернусь. В общем, не волнуйтесь». Это была последняя наша встреча...

— А последняя ваша встреча с отцом?

— С папой последняя встреча была в Хабаровске. Летом 1938 года. Во время хасановских событий (имеются в виду боевые столкновения между Японской императорской армией и Красной Армией у озера Хасан — Ред.) Папа — командующий Особой Дальневосточной армией, на фронт он и уехал. Шли очень тяжёлые бои... Мы — Сева, я, Катя — оставались на даче. Дача у отца была на Усури, почти у самой государственной границы. Над нами всё время летали самолёты, и у меня было впечатление, что озеро Хасан — это где-то совсем рядом. Где папа конкретно, мы не знали. Естественно, переживали за него.

Кто-то сказал: в такой-то день Блюхер должен приехать в Хабаровск. В означенный день мы с Катей надели праздничные блузки и платица — из шёлковой ткани, не белоснежные, а немножко кремовые, с вышивкой. Вышивали мы сами, крестиком. Всеволод был в такой же, с вышивкой, рубашке. Ждали у дома.

Подъехала машина, вышел отец — совершенно неузнаваемый! У папы была повышенная восприимчивость кожи. Он не выносил не только солнца, но и яркого света. Поэтому Блюхеру в порядке исключения полагался к летней маршальской форме колониальный шлем. Он всегда его носил, но во время хасановских боевых действий почему-то не надевал. У отца было жутко воспалённое и отёкшее лицо. Он кивнул нам всем, поднялся на второй этаж в свой кабинет. И закрылся. Ничего подобного прежде никогда не было. Праздничным ужином наш тоже не назовёшь. Сидели за столом в каком-то тревожном молчании. Мы у отца ничего не спрашивали — понимали, что нельзя ни о чём спрашивать, и он ничего не рассказывал.

В последующие дни обстановка в доме была очень нервной. Бесконечные телефонные звонки, всегда в ночное время. По обрывкам фраз мы понимали: Москва на проводе. Пробыл дома папа недолго. Обстановка на фронте оставалась очень тревожной. После того как 11 августа 1938 года между Советским Союзом и Японией было заключено перемирие, Блюхера обвинили в «допущенных ошибках», в результате которых наши войска понесли большие потери. Мы об этом не знали — могли только догадываться по его угнетённому состоянию и очень плохому самочувствию. В отличие от всех нас, папа прекрасно понимал, что это начало конца. Мне нужно было возвращаться в Ленинград. Я уезжала полностью экипированной к новому учебному году. Папа был удивительным отцом! При всей своей занятости он постоянно вникал во все заботы о детях. Он сам заказывал нам одежду. В августе 1938-го, может быть, он это сделал и с каким-то дальним прицелом.

Последний наш разговор... Никто и думать не думал, что последний. Кроме отца, наверное. Папа сказал нам с Севой и Катей: «Мне очень важно, чтобы мои дети знали, что я ни в чём не виноват. Но в настоящий момент, в обстановке клеветы и репрессий, происходит провокация, против которой я ничего не могу поделать».

Отец был вызван в Москву. В Москве неожиданно всячески облакан. До получения нового назначения ему предложили — «после таких тяжёлых боёв» — поехать отдохнуть и подлечиться. Из Сочи папа писал письма — предлагал нам с Севой приехать к нему: замечательное тёплое море, прекрасная погода. Мол, «школа не пострадает, тут есть хорошие преподаватели». Всеволод откликнулся — поехал. А я решила, что занятия в школе прерывать не стоит.

После ареста родителей Всеволод попал в Армавирский детский дом для детей репрессированных. А я осталась — сначала с бабушкой; через какое-то время приехала мамина старшая сестра, тётя Варвара, и забрала бабушку к себе. Перед отъездом сказала, чтобы я не пыталась их искать и с ними связываться. Иначе и она, и её семья пострадают. Я осталась одна... Квартиру забрали. Мы в то время жили на улице Халтурина (Миллионной — Ред.), там, где раньше Тухачевский. Мама, кстати, дружила с Юлей (Юлия Кузьмина, жена Михаила Тухачевского — Ред.). Я её очень хорошо помню — красивая такая блондинка... Я получила малюсенькую комнату, метров восемь или десять, в коммунальной квартире на улице Достоевского. У меня было зимнее пальто на цигейке, но не было обуви. Зимой я ходила в босоножках. Купить обувь было не на что. На Достоевского меня разыскал дальний родственник: «Каждый день будешь приходить к нам и вместе с нами обедать». Это была единственная моя еда в сутки. Причём я никогда не могла как следует наесться, потому что старушка, мама жены нашего родственника, лежала на кровати как раз напротив меня, и, я не знаю, преднамеренно или нет, неотрывно смотрела, как я ем. Так что я лишнюю крошку стеснялась взять в рот. Может быть, поэтому я выжила в блокаду? В блокаду очень быстро умирали те, что до войны питались нормально. А для меня чувство голода было привычным состоянием. Видимо, организм уже перестроился.

— Зоя Васильевна, как к вам относились в школе — администрация, педагоги? Как к ЧСИР — члену семьи изменников родины?

— К моему счастью, не все верили в виновность отца. Очень многие не верили. К чести директора школы, он относился к этой категории людей. Сейчас я оценила его участие в моей судьбе, а

“ Мне очень важно, чтобы мои дети знали, что я ни в чём не виноват. Но в настоящий момент происходит провокация, против которой я ничего не могу поделать.”

тогда... Я знать не знала, что делалось для того, чтобы меня из школы не исключили.

— Как к вам относились одноклассники?

— Все знали, кто мой отец. Не знаю, почему, то ли потому, что я очень хорошо училась, то ли потому, что я была скромной девочкой, мне очень многие сочувствовали. Но никто не мог — не имел права! — высказать, выразить своё сочувствие. Правда, прежде мне позволялась небольшая вольность — когда надо, отлучаться из школы. Отец служил на Дальнем Востоке, но как только он по делам приезжал в Ленинград, мы, насколько позволяли ему обстоятельства, были неразлучны. Как только папа приезжал в Москву, я тотчас же ехала в столицу. Причём ехала одна. Меня здесь сажали в «Красную стрелу», а там меня встречали. Мне это очень нравилось — я себе казалась взрослой. После ареста родителей я не почувствовала перемен в отношении к себе. Преподавал у нас старичок-историк, Василий Васильевич (он умер в блокаду). Так вот он однажды сказал мне: «Василия Константиновича Блюхера оправдывает история». Кстати, на экзамене по истории мне попался билет — папина операция в Крыму.

СОРТИРОВОЧНЫЙ ГОСПИТАЛЬ №1170

— Июнь 1941-го, вам 18 лет...

— Война для меня началась — как любят показывать в кино. 21 июня — выпускной вечер, а наутро уже война. Поскольку я жила одна, я заранее позаботилась, чтобы мне сразу после школы устроиться на работу. Устроилась в библиотеку университета. В надежде, что буду там же учиться на вечернем. Почему-то хотела на биолого-почвенный поступить. Но уже в июле были сформированы студенческие отряды, и мы были отправлены на окопы под Псков, а потом под Новгород. Но эти города очень быстро пали. Мы вернулись в Ленинград и приняли участие в оборонных работах в пригородах — в Гатчине, Красном Селе.

Лопатами рыли противотанковые рвы — семь метров вертикально, под каким-то там углом. Под обстрелами с самолётов. Я так уставала, что могла прямо в поле завалиться на бок и моментально заснуть. Поскольку от папы по наследству перешла чувствительность кожи, у меня даже случился ожог лица. Жили мы прямо «на окопах», в чистом поле, в каком-то сарае. Каждый день видели, как армады немецких самолётов летели бомбить Ленинград, а по вечерам и по ночам весь горизонт был в огне. Немцы вплотную подошли к Гатчине и Красному Селу. Нам сказали, что поезда на Ленинград уже не ходят и что нужно идти пешком на Пулково. Пошли. Никому в голову не пришло бросить лопату! Дошли до вокзала в Красном Селе. Красное Село уже горело, но вокзал ещё был цел. Мы настолько устали, что дальше идти не могли. Увидели земляной накат и просто рухнули наземь. Вдруг слышим — идёт поезд! Каждый понимал, что он действительно последний. Как я влезла в вагон, не знаю. В вагоне настолько было тесно, что выдох сделал, а вдох не получается. Но по большому счёту нам невероятно повезло. Доехали. Причём все с лопатами!

Нас направили в Девяткино, и там мы копали окопы, пока земля не затвердела, не задубела так, что копать стало невозможно. Был конец октября. Месяц, как Ленинград в кольце блокады. В городе уже не было электричества, не работал транспорт. Хлебные карточки ввели ещё до начала блокады. Нормы постоянно снижали. В городе уже был голод. И холод.

Самую страшную зиму, 1941 — 1942 года, я проработала в библиотеке университета. В нетопленном помещении. Когда дотрагивалась до книг, было ощущение ожога. Не пропустила ни одного рабочего дня! В университет и обратно ходила пешком — получалось семь километров. Может быть, это вторая причина, почему я не умерла в блокаду. Кто ложился, тот уже не вставал...

В апреле 1942-го университет эвакуировался в Саратов. Я была настолько истощена, что уже почти не разговаривала — последняя стадия дистрофии, и, конечно, меня даже в списки включать не стали, да я и сама понимала, что до Саратова меня не довезут. Университет уехал. Я осталась — без работы, без карточек. Попыталась устроиться на работу на завод — не получилось. Печать смерти на моём лице уже была. Принимали так: открывалось окошечко, на вас смотрели и молча закрывали дверку. Ну и что делать? Однажды слышу по радио объявление: производится набор на курсы киномехаников. Сразу пойти не получилось. Прихожу. «Набор у нас уже закончился, мы не можем вас принять», — говорит мне женщина и зачем-то берёт и смотрит мой аттестат, где одни отличные оценки: — Но мы вас принимаем». Это было спасение. Слушателью курсов полагалась карточка служащего.

Как мы учились? Под диктовку писали конспекты. Электричества не было — аппаратуру не подключаешь. Была короткая стажировка — кинотеатр «Молодёжный» в блокаду не закрывался. По окончании курсов наш главный технорук сказал мне: «Зоя, у меня жена работает в военном госпитале, ей надо уволиться. Но, если работник уходит, он должен вместо себя буквально за руку привести человека. Иначе не отпускают. Зоя, я вам советую идти туда. Вы будете жить в совершенно других условиях». Ещё он сказал то, что, конечно же, не следовало говорить: «В госпитале всегда есть электричество, и вы будете демонстрировать фильмы раненым, но не часто, всё остальное время — ваше». Госпиталь располагался в Александро-Невской лавре.

Кадрами ведал замполит подполковник Спичак, не могу не упомянуть его добрым словом. Ему я сказала правду — кто я, кто мои родители. «Конечно, мы не можем вас призвать в армию, но как вольнонаёмная вы будете у нас работать». Начальник клуба спрашивает: «Вы знаете свои обязанности?» — «Да. А ещё мне сказали, что у меня будет свободное время». У начальника от негодования аж ноздри раздулись: «Я не знаю, кто вам такое сказал, но вы будете работать 24 часа в сутки! Для ходячих раненых крутить широкоплёночные картины в зале, узкоплёночные — в палатах, для лежащих.

А всё остальное время будете помогать выгружать раненых, регистрировать их».

Госпиталь №1170 был особый. Сортировочный. К лавре была подведена железнодорожная ветка. Эшелоны с ранеными прибывали непосредственно с фронта. Раненые выгружались, регистрировались и распределялись по другим госпиталям Ленинграда. У нас же оставались только нетранспортабельные, с самыми сложными ранениями. И неслучайно, конечно, в наш госпиталь приезжал главный хирург Красной Армии академик Бурденко. Я демонстрировала фильмы о нём, о его методах лечения. Его заслуги в области медицины огромны. Бурденко во фронтовых госпиталях испытывал новые лекарства — стрептоцид, сульфидин, пенициллин. Кстати, когда он ввёл метод лечения стрептоцидом, Черчилль подарил ему целый самолёт стрептоцида. Об этом почему-то нигде не пишется и не говорится.

Я жила в общежитии с медсёстрами. В нашей маленькой комнатке каким-то образом умещалось 16 кроватей. Все вольнонаёмные состояли на котловом питании. В госпитале было не только электричество, но и горячая вода. В общем, у меня началась совсем другая, но тоже очень тяжёлая жизнь.

«ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ»

Наш госпиталь расформировали через год после Победы, в апреле 1946-го. Снова надо было искать работу. Устроиться по своему желанию было невозможно. В здании Русского музея находилась специальная не то комиссия, не то инспекция — она давала направления туда, где нужны кадры. Я узнала, что есть место в Библиотеке Академии наук, и осмелилась обратиться с просьбой к принимавшему меня инспектору: «Я знаю, что в моём положении нельзя просить, но, вы знаете, я работала в научной библиотеке Горького при университете, и мне бы очень хотелось...» И — о чудо! — инспектор направила меня в Библиотеку Академии наук! И с апреля 1946 года я работала в БАН. Работа была чрезвычайно интересная. Я поступила в Библиотечный институт на библиографический факультет, в группу экстерна.

Жизнь вроде бы начала налаживаться. Я вышла замуж. В 1950 году у меня

родился сын Михаил. Я очень хотела назвать его Василием. Не в честь папы — об этом я как-то не подумала; Василий — моё любимое мужское имя. Но в загсе мне не позволили, сказали: «Ни в коем случае! Это вызов обществу!» Вызов обществу! И я назвала сына именем мужа. Муж — Михаил Петрович. Сын — Михаил Михайлович. Сейчас женщинам даже не представить, как в те годы было сложно рожать и иметь детей. Декретный отпуск — месяц до родов и месяц после — и на работу. А я ещё я училась в институте. Конечно, мне было невероятно трудно. Из Ярославля приехала младшая сестра мужа, 18-летняя Нина, чтобы помочь нам с малышом. Мне никак не удавалось прописать Нину в Ленинграде, и наконец, когда моему сыну исполнилось семь месяцев, документы на прописку приняли. Когда на пороге нашей комнаты появились двое мужчин, я сразу заявила: «Нина уже прописывается! Вот разрешение на полгода». — «Мы по другому делу».

Начался обыск. Забирали всё! Даже мои институтские конспекты. Ни одной бумажки в доме не осталось. На столе лежала телеграмма, что завтра приезжает муж (Михаил работал в торговом флоте), и её забрали. Стало ясно: это арест! Что делать? (Про ужас, какой я испытывала перед тюрьмой, молчу.) Как быть с сыном? Не брать же его, грудного, с собой. Ну, думаю, Нина остаётся, завтра приезжает Михаил... Может быть, недо-разумение? Говорил же Сталин, что дети за родителей не отвечают. На первой встрече со следователем я ему напомнила слова Иосифа Виссарионовича. Он только усмехнулся: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет — тому два». В общем, с сыном мы увиделись только через три с половиной года.

Началась моя тюремная жизнь. Сначала — Большой дом (неофициальное название здания на Литейном проспекте, где находилось Управление Министерства государственной безопасности по Ленинграду и Ленинградской области — Ред.). Следствие заключалось только в том, что выясняли мои родственные связи и мои знакомства. Допрашивали даже малознакомых. Читая показания, я могла «порадоваться» за себя: не было ни одного человека, который сказал бы обо мне хоть одно плохое слово. Вероятно, благо-

БЛЮХЕР (ВТОРОЙ СЛЕВА) СРЕДИ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ И КИТАЙСКИХ ВОЕННЫХ. 1924

даря этому я не попала в лагерь. Решением Особого совещания я была осуждена на ссылку в Казахстан сроком на пять лет. Но эти пять лет всегда пролевались.

После Большого дома — тюрьма, та, что рядом с Выборгским Дворцом культуры, где мы когда-то жили. Считалось, что эта тюрьма для уголовников, но режим был, конечно, по сравнению с Большим домом просто санаторный. Оттуда по этапу (всё как полагается — в вагонах для заключённых, с военизированной охраной, с собаками, с командами «ложись — вставай») — в Москву. Тюрьма на Красной Пресне была новой, «современной» — на крышах оборудованы прогулочные площадки, а в остальном всё ужасно, всё, как везде: те же нары, та же параша. Страшно вспоминать. Из Москвы этапировали меня в Куйбышев, а оттуда уже в Казахстан. В поезде — четыре полки, а нас 16 человек. Причём одна осуждённая, полька, с маленьким ребёнком. Конечно, полку уступили ей. Ехали очень медленно. Лето, жара, дышать нечем. Пить нам не давали. Пить давали только польке с ребёнком. По нужде полагалось ходить два раза в сутки, утром и вечером. Если кто-то просился, его не слышали.

ССЫЛКА В КЗЫЛ-ОРДЕ

Освободили из тюрьмы в Кзыл-Орде. Вручая справку, мне говорят: «В Кзыл-Ординской области девять районов. В каком хотите работать?» — «Все они мне совершенно незнакомы, поэтому — куда направите». — «Ну тогда оставайтесь в Кзыл-Орде. Каждые десять дней будете приходить в комендатуру отмечаться». И всё, и до свидания! Где вы будете жить, как устроитесь на работу — никого не волновало. Я пошла в комендатуру. Навстречу идёт пожилая чеченка. В Кзыл-Орде было огромное число политических ссыльных — очень много корейцев, чеченцев, татар. Чеченка — она меня первый раз видит! — останавливает меня и говорит: «Если нигде не устроишься, приходи ко мне, запомни адрес». Отметилась я в комендатуре — и в библиотеку. Директор — украинец. Внешность и повадки — барственные. «Конечно, нам такие кадры, как вы, очень нужны, но я не имею права вас принять. Единственное, чем могу помочь, это с крышей над головой. Но никто не должен знать, что я вас направил...»

Прихожу по данному Павлом Ивановичем адресу. Изумительно красивый дом из кирпича. (А в Кзыл-Орде в основном постройки саманные, кирпичных — единицы.) Мощные ворота. Двор выложен кафелем. Выходит во двор хозяйка, женщина немолодая. Объясняю: «Мне сказали, что у вас...» — «Да, есть небольшая саманная пристройка». Пристройка действительно была небольшая, одноэтажная, с отдельным входом: две маленькие каморочки, одна — с двумя крохотными окошечками. «Сколько вы хотите?» — «250 рублей». Я была счастлива!

— Плата для вас оказалась приемлемой?

— В Облкультпросвете, куда я устроилась на работу, мой оклад составлял 475 рублей, минус — вычеты, минус — добровольно-принудительные облигации госзайма. Мизер, конечно, оставался. Но в тех условиях, в которых я оказалась, о таком жилье можно было только мечтать.

— Что за работа в Облкультпросвете?

— Приняли меня заведующей областной передвижной библиотекой. Передвижная библиотека — это выезды в районы, постоянные разъезды. Без знания казахского языка на этой должности

ФОТО БЛЮХЕРА С РОДНОЙ ДОЧЕРЬЮ ЗОЕЙ

делать нечего. Я числилась заведующей библиотекой, а работала в Областном отделе культпросвета, причём в основном исполняла обязанности секретаря. Облкультпросвету были нужны грамотные люди, знающие делопроизводство, владеющие пишущей машинкой. Таких у них не было. Я подходила как никто другой. Все отчёты всех девяти районов были на мне. А вот непосредственно библиотечной работы оказалось крайне мало.

— В Облкультпросвете проработали до конца ссылки?

— Если бы! Я вынуждена была увольтись. Меня невзлюбил бухгалтер, кореец. Отвечая на этот вопрос, я должна сказать, что, приехав в Казахстан, я фактически попала в другое государство. Там совершенно другие законы, по которым я, воспитанная на высоких идеалах, жить не умела, да и не могла. В конце финансового года бухгалтер говорит: «Зоя, мне нужны стулья. У нас по такой-то статье осталась такая-то сумма. Покупаем мебель. Я беру только стулья, всё остальное, пожалуйста, берите себе. Вам же нужна мебель». Я возмутилась. Бухгалтер недоумевал: «Зоя, это так просто делает-

ся!» Приобретать мебель я отказалась наотрез. Он мне этого не простил. Начались придирки, подставы. Не знаю, как долго я бы выдержала, но меня пригласили в гидромелиоративный техникум, в библиотеку. В библиотеке я работала с интересом и удовольствием. Первым делом провела инвентаризацию, всё систематизировала. И в Кзыл-Орде жизнь вроде бы начала налаживаться. Ко мне приехал муж. Не на побывку.

— В добровольную ссылку?

— По сути, да. Миша обратился в соответствующие органы: «Могу ли я поехать к жене?» — «Пожалуйста, поезжайте». Никаких препятствий никто не чинил.

— Сына не разрешили взять?

— Сына — такого маленького — нельзя было туда! Ведь, кроме непропечённого хлеба, — вот такие огромные буханки! — там другой еды не было. Я, когда приехала, сразу попала в больницу... Единственное праздничное блюдо у нас с мужем было по воскресеньям — картофельные оладьи. За время ссылки — ни грамма мяса! Сына Михаил Петрович оставил у своих родителей, в рабочем посёлке под Ярославлем. Отвёз его туда вместе с Ниной. В Кзыл-Орде муж мой устроился на обувную фабрику. У него были золотые руки. Он многое делал сам. Сделал столик, шкаф. А ещё он умел шить, на флоте научился. Начинать с подшивания подворотничков, подгонки формы. Наверное, определённые задатки к работе руками имел.

ГОДЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

— И вот 1953-й год...

— 5 марта умирает Сталин. Горе для всего советского народа, люди рыдают — совершенно искренне. Никому же не приходило в голову, что Иосиф Виссарионович мог знать о беспределе, захлестнувшим страну. Мы все были уверены: от него всё скрывают!.. У моей хозяйки жил москвич, очень пожилой мужчина. У него как раз «пятилетка» кончилась. Человек ждал продления срока, но ему неожиданно сказали, что продления не будет, что он вскоре сможет вернуться в Москву. Пошли слухи, что многие, отбывшие сроки, смогут уехать. Я была убеждена, что меня это не коснётся. Шли месяцы. Вдруг меня вызывают и говорят: можете уехать, но в Ленинград вы уже никогда не вернётесь. И мы уехали — под Ярославль, к родителям мужа.

Нам было где жить, но работы не было ни для Михаила Петровича, ни для меня. В Мишиной семье ко мне отнеслись очень плохо. Особенно тесть. Он называл меня только одним именем — тюремщица. Такое положение продолжалось год. Мы засобирались в Ярославль. Но в Ярославле у нас не было крыши над головой. Мне устроиться на работу оказалось непросто. Во-первых, как только узнавали, что у меня маленький ребёнок, разговор со мной прекращали. Крышу нам удалось найти в рабочем посёлке Суздалька перед въездом в Ярославль. Я пришла в областную библиотеку. Директор — молодой. Про себя я ему всю правду рассказала, но фамилию соврала. Понимала, что если я скажу: «Блюхер» — от ворот поворот! А нам уже не то что не на что жить: положение такое, что остаётся только умирать. «Как фамилия отца?» — «Васильев». Директор долго думал, потом сказал: «Ну, к народу я вас не пушу. На абонементе вы работать не будете. А в книгохранилище — пожалуйста». Я была, конечно, счастлива! Нашлась работа, да ещё в библиотеке!

— Как вы узнали о реабилитации родителей?

— Не поверите, совершенно случайно. У себя в библиотеке я занималась инвентаризацией журналов. Работа чисто механическая: берётся журнал, отмечается в инвентарной книжке, и ставится штампик. В тот день весь мой стол был завален «Вопросами истории». Этот журнал я не то что не читала — никогда не открывала. Беру верхний журнал, открываю и читаю: «Несправедливо забытые имена.

“ В Китае все советские работали не под своими именами. Папа, когда его спросили, какой он возьмёт псевдоним, сказал: «Я буду генералом Га-ли-ным. Жена моя — Галина.

Блюхер...» Папа был реабилитирован 12 марта 1956 года. Я побежала на почту и дала телеграмму брату. Всеволод жил в Армавире.

— Он не подвергся репрессиям?

— Когда меня арестовали, я первым делом спросила: что с братом? Мне сказали: «Если бы вы жили в Армавире, то вы бы там и жили. А вы, к несчастью, живёте в Ленинграде». Я же угодила под так называемое «ленинградское дело».

Мы с Севой сговорились и поехали в Москву. Нас должен был принимать Жуков, но ко времени нашего приезда Георгий Константинович, как оказалось, был освобождён от должности министра обороны СССР, потому что нарушил «ленинские, партийные принципы руководства Вооружёнными силами». Об этом мы узнали позже. Нам же сказали, что маршала Жукова нет в Москве. Принимал нас начальник канцелярии Министерства обороны генерал Караулов. Я часто думаю: если бы был Жуков, вероятно, как-то по-другому всё было бы. Возможно, на оформление, переоформление всевозможных документов у нас ушло бы не так много времени. Как бы то ни было я вернулась в родной город и восстановилась на работе — в Библиотеке Академии наук. Проработала там ещё 22 года, до выхода на пенсию.

Сын окончил Нахимовское училище, служит на флоте. С мужем мы расстались. Я ещё раз вышла замуж. К сожалению, моего мужа уже нет...

— Как сложилась жизнь вашего брата?

— Всеволод и Катя, как я уже сказала, попали в Армавирский детский дом для детей репрессированных. По словам брата, условия там были вполне приличные. Сева окончил школу, собрался поступить в военное училище. Вроде бы естественное желание для сына маршала. Приняли, проучился три месяца — отчислили, узнав, чей он сын, и отправили на фронт. А до этого, когда Сева сам просился на фронт, отказывали. Попал он чуть ли не в штрафной батальон. Как сын врага народа. Всеволод Васильевич Блюхер прошёл войну простым солдатом, дошёл до Берлина. Не получил ни единой царапины. Был награждён орденом Красного Знамени. Но получил его через 20 лет! После того как отец вновь стал легендар-

МАРШАЛ БЛЮХЕР (В ЦЕНТРЕ) НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. СЛЕВА — ТАНКИСТ ИВАН МИХЕЕВ, СПРАВА — ОТЕЦ ТАНКИСТА ДМИТРИЙ МИХЕЕВ

ным полководцем. После войны Всеволод вернулся в Армавир, переселился в Луганск, когда тот был ещё Ворошиловградом. В Коммунарке под Луганском до выхода на пенсию работал в шахтах, мастером-подрывником. Хотя после папиной реабилитации ему предлагали всякие соблазнительные должности. В итоге — профзаболевание, неверный диагноз, неправильное лечение. В последний год жизни он был уже прикован к постели. Умер Всеволод в 1977-м в возрасте 55 лет...

— Судьба племянницы Блюхера Кати?

— Это я так для себя определила: племянница. Катя никакая не племянница

папе. В самом начале 1920-х был страшный голод в Поволжье — умерли несколько миллионов человек. Детей, спасая, грузили в эшелоны и развозили по стране. На станциях их разбирали — кого-то усыновляли, кого-то удочеряли. В Иркутске или в Чите, точно даже не знаю, когда поезд с детьми с Поволжья прибыл, папа велел маме: «Пойди, возьми девочку, но такую, которую никто не возьмёт!» Своих детей у них ещё не было. Мама взяла Катю. Она была вся в болячках, в язвах. Ужас! Мама с папой её выхостили. Правда, потом выяснилось, что Катя — умственно отсталая. Она получила образование, но уровень развития у неё был весьма... Катя жила всё время с

папой. В 1937 году объявились какие-то её родственники, на Украине. После ареста отца она уехала к ним. Следы потерялись. Было ей тогда года двадцать четыре...

— После выхода на пенсию вы...

— После выхода на пенсию я посвятила себя памяти отца. Появилась возможность заниматься сбором материалов о маршале Василии Константиновиче Блюхере, посетить места его боевой славы. Мы с мужем побывали и в Крыму, и в Украине, и на Урале, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Мы были на сопках Заозёрной и Безымянной. Две эти господствующие высоты во время хасановских боёв были заняты японцами. Сколько там полегло людей! Почему-то, обвиняя отца в «нежелании по-настоящему воевать с японцами» (слова Сталина), никто не говорит и не пишет об обстоятельствах, в которых ему пришлось воевать. О том, что климат Дальнего Востока резко отличается от климата в европейской части России. Там, например, реки разливаются осенью, а не весной, потому что период дождей — осенью. В 1938 году такой период пришёлся на июль-август. Дороги были размыты. Нельзя было применить тяжёлую артиллерию, танки. Ясного неба не было. Нельзя было использовать в полной мере авиацию. Об этом мне говорили участники тех боёв.

Был у нас «тематический» поход «По следам тобольского рейда Блюхера» — это когда он был окружён и адмирал Колчак приехал в Тобольск посмотреть на «пленённого» Блюхера, но тот лишил его такого удовольствия — вырвался из окружения. Мало кто об этом знает. У меня весь этот поход записан буквально по часам. По шесть-семь путешествий в год совершали мы с мужем. Я шутила: дома бываем проездом.

В бытность председателем КГБ Крючкова я затребовала дело отца. Спасибо ему — прислал оба тома. Теперь я знаю всё до мелочей. Но комментировать не хочу. Мне не хочется сводить счёты, мне хочется, вспоминая отца, говорить правду и только правду. Многие из появившихся в прессе в последнее время неправды, кривотолков и досужих вымыслов о маршале Блюхере я с документами в руках могу опровергнуть.

Об авторе:

Желтов Владимир — журналист, историк, долгое время возглавлял отдел культуры газеты «Невское время», Санкт-Петербург.

БЛЮХЕР (В ЦЕНТРЕ) ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛАГЕРНОГО СБОРА В 1-М СТРЕЛКОВОМ КОРПУСЕ. СПРАВА ОТ НЕГО — ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ И ИОСИФ СТАЛИН. ЛЕТО-1924

Фурцева дочь Фурцевой

Фрагмент беседы обозревателя «Совершенно секретно» Ирины МАСТЫКИНОЙ с дочерью Фурцевой — Светланой. 1998 г.

Ирина МАСТЫКИНА

Специально для «Совершенно секретно»

Светлана Петровна, о деятельности вашей мамы на посту министра культуры мы слышаны. А как складывалась жизнь Екатерины Алексеевны сразу после ее переезда из Вышнего Волочка в Ленинград и Москву?

— В Вышнем Волочке моя мама, как и моя бабушка, работала на ткацкой фабрике. Но ее тянуло учиться дальше, и она решает уехать, начать самостоятельную жизнь — сначала в Ленинграде, потом в Москве. В Москве мама поступает в Институт тонкой химической технологии. Тогда ей было уже за двадцать, и пришлось нагонять всю разницу в образовании. Но человек она была способный. И когда институт окончила, ее оставили в аспирантуре. В конце тридцатых годов мама — аспирантка и одновременно секретарь партийной организации института. Вот почему потом она становится секретарем Фрунзенского райкома партии — это одна и та же организация.

А до Москвы мама училась в Ленинграде в Институте инженеров гражданского воздушного флота. Так получилось, что ее путь в Ленинград лежал через Феодосию, где в то время проходили знаменитые соревнования планерного спорта. Мама увлеклась самолетами, тогда это было модно, и поступила в связанный с ними институт. А в тридцатом году встретила там с моим будущим отцом — Петром Ивановичем Битковым. Оба — студенты, жили трудно. Но, несмотря на это, были счастливы. Одна ленинградская мама подруга при встрече со мной всегда вспоминала «Катин серебристый смех». Одиннадцать лет прожили мои родители вместе: сначала в Ленинграде, потом в Москве. Все это время мама очень хотела родить, но не получалось.

И вот наконец перед самой войной, на тридцать втором году жизни, она забеременела. Отец был профессиональный военный, в первые же дни войны ушел на фронт. Мама осталась одна, время, сами понимаете, какое было, и она не решилась родить. Написала бабушке, которая осталась в Вышнем Волочке и всегда имела в семье право решающего голоса. Она и сказала маме: «Ну как это так! Столько лет ждали. Что уж, одного ребенка не воспитаем?» И приехала в Москву. Так с нами до конца своих дней и осталась.

В это время началась эвакуация, и беременная мама с бабушкой уезжают в Куйбышев. Там я и родилась. Через четыре месяца мы возвращаемся в Москву, в свою коммунальную квартиру на Красносельской. А вскоре в командировку с фронта приезжает отец и со всей прямотой заявляет маме, что встретил другую женщину, которую полюбил. Он был красив и всегда пользовался женским вниманием... Гордая мама забирает меня, бабушку и уходит. Можно сказать, в никуда. Однако она в это время — секретарь Фрунзенского райкома партии. И ей дают маленькую — двадцать восемь метров — квартиру недалеко от этого райкома, в том доме, где сейчас АПН. Мама продолжает работать, а со мной сидит бабушка. И так в течение долгих лет.

— А отец вам никак не помогал?

— Во-первых, он до конца войны был на фронте. Во-вторых, мама всегда была гордой. Но, мне кажется, в течение всей жизни у них сохранились хорошие отношения. Отец изредка меня навещал. А когда я стала уже взрослой и имела дочь, он приходил познакомиться и со своей внучкой. Помню, тогда он вдруг сказал мне, что всегда любил только Катю, а мы маму уже год как похоронили. Отец пережил ее совсем ненамно-

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА С МУЖЕМ ПЕТРОМ БИТКОВЫМ И ДОЧКОЙ СВЕТЛАНОЙ

го. Пришел домой — инсульт. Похоронила его третья жена...

— Третья? До вашей мамы отец уже был женат?

— Да, и от этого брака у него в Ленинграде росла дочка. У нас с ней лет пятнадцать разницы в возрасте. Я о ней практически ничего не знаю. Мне только бабушка в детстве рассказывала, что отец той дочке из Германии пианино привез... Она у нас была очень ревнивая и часто упрекала отца в том, что ребенок растет, а он даже конфетки не привезет.

— Ваши родители были расписаны?

— Нет. В те годы это не считалось обязательным. Я знаю только, что они расстались сразу после того, как я родилась. Так мама дала мне свою фамилию. Но отсутствие отца в детстве я не чувствовала. Мы жили вместе с семьей мамино брата. Я его так и называла: папа Сережа. А главное, с нами жила бабушка Матрена Николаевна — человек сильный, крепкий. С тех пор как она в двадцать шесть лет осталась вдовой с двумя детьми на руках, надеялась в жизни только на себя.

— А другую бабушку, по отцовской линии, вы помните?

— Да, она приезжала к нам, но не очень часто. Как и отец, она была донская казачка. Отец и меня иногда так называл. Наверное, генетически что-то казачье во мне действительно есть, хотя росла я с бабушкой и мамой, поэтому прежде всего, думаю, все переняла именно от них.

— А кто вас больше воспитывал: мама или бабушка?

— Бабушка, конечно. Хотя общее руководство было за мамой. И чем старше я становилась, тем мама активнее присутствовала в моей жизни. Несмотря на невероятную занятость, занималась моим образованием. А в детстве я была, что называется, бабушкиной внучкой. Она меня разве что грудью не кормила, как порой любила повторять. Сама бабушка, как и все крестьянки того времени, была необразованной, расписываться не умела. Но при всем этом имела гениальную мудрость, видела всех насквозь и многое понимала интуитивно. Ну как можно было в те годы, например, знать, что ребенку нужно заниматься музыкой, языком? А она знала и находила для меня хороших преподавателей.

— Странно, по рассказам многих, мама вас так любила, что ни в чем не отказывала...

— Да, любила, но грамотно. И никогда меня не жалела. Это случилось лишь однажды, когда я уже выучилась и работала в АПН. С телегруппой из ФРГ я должна была зимой ехать на съемки в Якутск, где температура опустилась до пятидесяти градусов. И мама испугалась. Уговаривала взять бюллетень. Но я отказалась и все-таки полетела.

— Светлана Петровна, а что изменилось в вашей жизни после того, как Екатерина Алексеевна стала членом Политбюро?

— Ну, мне тогда было только четырнадцать лет. И жизнь семей членов Политбюро в те годы не имела той необходимой атрибутики, что десятью годами позже: иномарок, драгоценностей, шуб... Первое, что появилось, — это дача. Появился отдельный дом, за отдельным забором. Совершенно новый для моего глаза стиль: конюшня, баня, теплица, катера и даже открытая машина.

Ну и, во-вторых, появилась возможность посмотреть самые недоступные иностранные фильмы дома, достать билеты в любой театр, отдохнуть летом на море и купить в спецмагазинах книги или одежду... Но мама была действительно очень скромным, нематериальным человеком и, работая с утра до ночи, практически никакими особыми благами не пользовалась. Одевалась она всегда элегантно. Руками могла сделать фантастические вещи. Шила, вязала сама. Изменения в ее одежде произошли скорее благодаря Фирюбину. Когда он стал послом в Югославии, часто привозил маме красивые вещи. Ну, еще появились какие-то закрытые ателье, и возможности хорошо одеваться расширились.

— А что касается заграничных поездок?

— С ними тоже стало проще. Впервые за границу я выехала в двенадцать лет. Тогда Фирюбин был послом в Чехословакии и пригласил меня в Прагу на зимние каникулы. А потом меня стала брать с собой мама. Она была уверена в необходимости новых впечатлений. И в те годы, когда любые поездки за рубеж выделялись в виде поощрений и для многих были мечтой, мама все сделала для того, чтобы я смогла увидеть мир. Так к двадцати годам я уже побывала во многих странах Европы и Азии.

— Первая ваша поездка в институте была в Индию. С нее, насколько я знаю, опосредованно и началось ваше знакомство с будущим мужем.

— Там вместе с нами был тоже член ЦК Фрол Романович Козлов с супругой. Наверное, я ей понравилась, и она захотела познакомиться со своим сыном Олегом. В Москве несколько раз звонила, куда-то приглашала. Но я, если честно, пыталась все это как-то отодвинуть. У меня была своя компания в институте, и новых знакомых не сильно хотелось. Но Александра Константиновна слыла большой театралкой и выбрала какой-то хит в Театре сатиры, от которого мне было трудно отказаться. Заказала билеты, и мы с Олегом встретились. Он мне сразу понравился: высокий, с большими зелеными глазами, с красивыми волосами, хорошими манерами. Учился в Институте стали и сплавов, был старше меня на четыре года, много и интересно рассказывал о Ленинграде, который любил и знал. И вот вместо театра мы пошли в ресторан «Пекин». С этого все и началось.

— Через сколько времени вы поженились?

— Познакомились мы в конце марта, через месяц подали заявление. Его не брали, потому что мне не исполнилось еще восемнадцати лет, я родилась в мае. Но Олег все-таки этого добился. Родители наши долго об этом не знали. Но недели за две до регистрации я не выдержала и сказала маме. Она была в шоке, потому что видела, как я хотела учиться в институте, и вдруг — замужество. Попыталась меня отговорить

А что касается наказаний, если у меня в школе обычной или музыкальной было что-то не так, меня на улицу не пускали, не давали мороженого, два раза за то, что я не послушалась, бабушка даже прошлась по мне бельевой веревкой. В общем, держала ребенка в строгости. Мне не прощала ничего. Наказывала именно по больным местам, которые очень хорошо знала. Однажды, как мне теперь кажется, в качестве наказания за что-то, отправила в «Артек». Я всегда была домашним ребенком, а там муштра, военная дисциплина. И никакого удовольствия от отдыха на море я не получила... Только когда у меня самой появилась дочка, бабушка стала чуть-чуть теплее, оттаяла.

— Говорят, ваша бабушка была деспотом и по отношению к вашей маме.

— Это восприятие со стороны, чужих людей. На самом деле бабушка была добрым человеком. Строгость проявляла только ко мне. А с мамой у нее сложились совсем другие отношения. Многие в маме именно от бабушки. Сильный характер, даже я бы сказала — мощь какая-то, абсолютно не женская четкость мысли и способность принимать решения. И вместе с тем домовитость и исключительная женственность.

— В двенадцать лет вы впервые побывали с мамой за границей, в Англии, а после школы поступили в МГИМО. Это было вашим решением или институт вам выбирала мама?

— Нет-нет, так решила я. Мама очень хотела, чтобы я пошла в институт, который она сама окончила, — тонкой химической технологии, и даже несколько раз водила меня к своему любимому профессору. Но с химией я, увы, посорилась еще в школе. Поэтому остановилась на западном факультете МГИМО. Немалую роль в этом моем решении сыграл Фирюбин. Человек образованный, чрезвычайный и полномочный посол сначала в Праге, потом в Белграде. Ну, я ездила к нему, плюс Англия, плюс язык, который я любила. Конечно, я знала, что в этот институт просто так поступить нереально, поэтому занималась с очень хорошими педагогами. Казалось бы, возьми да набери мама номер телефона ректора. Ей бы не отказали. Но у нас даже разговоров на эту тему не возникало. Я могла попросить у мамы, например, что-то купить, но чтобы помочь в поступлении... У нас это было не принято.

— все-таки первый курс, к тому же мы с Олегом были еще мало знакомы. Говорила всякие разумные вещи, но в тот момент я была увлечена и не сдавалась.

— Где сыграли свадьбу?

— У Козловых на даче. Приехали Хрущев, Брежнев с женами и детьми. Поэтому свадьба была как бы не моя. Пили в основном за Хрущева, иногда за новобрачных, и ничего примечательного для меня там не было. Но все выглядело очень красиво. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями. Мне сшили прелестное платье... Медовый месяц провели в Магнитогорске, куда Олега направили на практику. Потом жили в особняке Козловых на Ленгорах — небольшим двухэтажном доме с довольно скромной обстановкой, казенной, с инвентарными номерами...

— А когда родилась дочка?

— Мне не было еще и двадцати. Когда я только забеременела, сразу пошла к маме. Мы с ней долго обсуждали эту тему, потому что к тому времени я не совсем верила в стабильность своего брака. У нас с Олегом разница была не только в возрасте. Что-то еще нас разделяло... Однако мама была категорически против аборта. И я решила рожать. Рожала трудно, но ребенок родился, как мне сказали, в рубашке — в смазке. Я весила тогда сорок шесть килограммов, а Маришка почти пять.

В связи с родами и нездоровьем я запустила зимнюю сессию, и возвращаться в институт было уже тяжело. К тому же я тогда вся погрузилась в ребенка, и все остальное для меня отодвинулось на задний план. Я перешла в МГУ, на журфак. Сдала всю разницу в двадцать экзаменов и была зачислена на редакторское отделение.

— А чем занимались после журфака?

— Я услышала, что в АПН есть редакция теленовостей, которая работала в основном с иностранными телекомпаниями, и поняла, что туда-то мне и надо. Тогда я попросила маму помочь мне, и меня взяли редактором. В АПН я проработала три года, причем в последний год восемь месяцев провела в командировках. Очень тяжелый был период. Осложнились отношения с мужем, мои командировки тоже этому способствовали.

— В это время вы и встретились со своим вторым мужем — Игорем?

— Да. И это была большая любовь. Он был женат, растил дочь, и наши отношения складывались непросто. В это время мама настояла на том, чтобы я пошла в аспирантуру МГУ, и я стала аспиранткой. После защиты диссертации мне предстояла стажировка в Америке, но я туда, слава Богу, не поехала — не хотела расставаться со своим будущим мужем. Мы с ним часто виделись, но жил он тогда со своей семьей. Ему было трудно развестись из-за дочери. Да и работал он в такой организации, где развод был равносителен краху карьеры.

А я развелась. Мама это очень тяжело переживала и даже однажды сказала об Игоре: «Или я, или он». Можете представить мое состояние? Наверное, если бы у нас с Олегом было все в порядке, ничего подобного и не случилось бы. Но... разводу предшествовал период выяснения отношений с мужем, потом он ушел. И мы в квартире на Кутузовском, в которую переселились после рождения дочери, остались с няней Клавой. Она жила у нас почти с рождения Маришки и до сегодняшнего дня остается моей самой лучшей подругой.

Маришке тогда только исполнилось пять лет, и мама, конечно, была против развода. После ухода от нее в сорок втором отца она десять лет оставалась одинокой. И знала, что это такое. Но я, как всегда, шла своим путем и маму не послушалась... В общем, много переживаний было тогда. Скрасить тот тяжелый период жизни мне помогла мамина подруга Надя Леже — женщина теплая, простая. Буквально на следующий день после развода она мне сказала: «Все! Прекращаем слезы, все переживания. Покупаем туфли вот на таких каблукках и едем ко мне — заниматься живописью». Надя мне тогда очень помогла: постоянно меня куда-то водила, с кем-то знакомила...

— Так прошли три года. Игорь Васильевич наконец решился на развод?

— Да, мы поженились, и он переехал к нам. Постепенно привык к Маришке и даже ее удочерил. И воспитал ее, и образовал, занимался ею каждый день.

— Марина называла Игоря Васильевича папой?

— Нет, по-другому. У Игоря, к сожалению, были проблемы со здоровьем, он часто лежал в больницах. И вот однажды, когда он в очередной раз попал в ЦИТО, дочка придумала про него целую историю, с картинками, в которой почему-то назвала его «Трясогустав», потом сократив до «Трясик». Вот так в результате и стала называть Игоря. Ну, маленькая еще совсем была девочка...

— Скоро уже тринадцать лет, как Игоря Васильевича нет в живых...

— Да... Но за все годы, что мы были вместе, он успел дать нам с Мариной так много, что мы не забываем его никогда. Когда его не стало, а это случилось внезапно — он вернулся из леса и, не дойдя до дома, умер, я почувствовала отчаянную усталость и пустоту.

— Где вы тогда работали?

— После защиты диссертации я пришла в Институт истории искусств, в сектор массовой коммуникации. Проработала там четырнадцать лет. Два дня в неделю мы должны были присутствовать на работе, а остальные — занимались наукой дома. Но после смерти мужа сидеть дома мне стало тяжело, и я решила перейти на должность заместителя директора во ВНИИ повышения квалификации работников культуры. Занималась административной работой.

— Я знаю, Марина окончила балетное училище...

— Мы отдали ее туда в пять лет. Посоветовались с мамой и решили, что балет как нельзя лучше подходит Марине. У нее были неплохие данные: пластика, музыкальность... Однако после десяти лет постоянных диет и голодовок открывшаяся язва желудка заставила ее изменить профессию. Марина поступила в ГИТИС на театроведческий факультет и после его окончания устроилась в литчасть Большого театра. Была просто счастлива: те же ребята, с кем училась, та же сцена. Уже работая в театре, она вышла замуж за юриста. Они давно знали друг друга — мы дружили семьями, — но, к сожалению, через год расстались. Маришке было всего восемнадцать, ему — двадцать восемь... Через несколько лет дочь познакомилась с человеком более практичной профессии — стоматологом. (Игорем Владковским, задержанным в 91-м году на таможне за незаконную попытку вывезти за границу произведения искусства. — И.М.) Вышла за него замуж, родила в двадцать пять и распрощалась со своей литчастью уже навсегда.

— Ваш муж умер очень рано. За те тринадцать лет, что его нет, вы больше не выходили замуж?

— Нет, замужем я не была. У меня есть какие-то обязанности перед семьей. Я очень люблю Катерину, моя любовь к ней совершенно невероятная. В этом мы с мамой одинаковые. Она мне часто повторяла: «Если бы не было тебя с Маришкой, мне не для чего было бы жить».

— Помощники Екатерины Алексеевны рассказывали мне, что министр культуры СССР много занималась самообразованием и никогда без книг и газет с работы не уходила.

— Мама всю жизнь делала себя сама, иначе и не стала бы тем, кем стала. Ей было мало двух технических образований, она захотела получить еще гуманитарное и пошла в Высшую партийную школу.

— Может быть, именно честолюбие и мешало ей в отношениях с мужчинами? Женщиной она ведь была привлекательной, и в то же время десять лет одиночества.

— Знаете, просто тогда было такое время. К тому же мама всегда выглядела чуточку недоступной для мужчин — она находилась выше их обычного представления о женщине-жене... Но не думаю, что ее не интересовало женское счастье...

— Чем же Екатерину Алексеевну пленил Фирюбин, за которого она в пятьдесят четвертом году, уже будучи членом Политбюро, вышла замуж?

— В нашем доме не было принято обсуждать с детьми дела взрослых, поэтому я могу высказать только свои предположения. Мужчиной Николай Павлович был интересным, и то, что мама им увлеклась, вполне естественно. А вот бабушке он не

нравился. Она и меня настраивала против. Дело в том, что Фирюбин, еще будучи секретарем горкома, до нас тоже жил на госдаче в Ильичеве, и о его семье ходили разные слухи. Говорили, что однажды его сын с кем-то поссорился, взял ухват и товарища им приложил. Да и сам Николай Павлович слыл капризным и избалованным мужчиной. Когда они с мамой познакомились, он работал в Моссовете заместителем мэра и значимую свою сознвал. В общем, бабушке пришлось ломать что-то внутри себя, принимая Фирюбина в дом. У меня с ним тоже были сложные отношения...

— А Екатерина Алексеевна, говорили, всегда считала его детей своими...

— Нет, это не так. Но помогала им — да. Понимаете, мама ко всем относилась доброжелательно. Наша Катерина теперь очень похожа на свою прабабушку. Вот она человека видит и уже его любит. Я никогда от нее не слышала ни одного обидного слова о других. Такой же была и мама. Я не помню случая, чтобы она, возвращаясь из заграничных командировок, привозила что-то себе. И никогда не забывала детей Николая Павловича — Риту и Николая.

Я же с ними мало общалась. Слышала только, что Николай был переводчиком в Швейцарии, потом, кажется, там и остался. А вот Рита... Она никогда не чуждалась мирских удовольствий. Работала корреспондентом на радио, хотя и окончила МАИ или МЭИ, но эта профессия ее не увлекала. Она была очень активной женщиной, постоянно искала себе пьедестал...

— Скажите, когда Екатерина Алексеевна решила связать жизнь с Фирюбиным, он был уже в разводе или развелся ради вашей мамы?

— Думаю, что причиной развода Николая Павловича послужила любовь к моей маме. Он вообще был человек увлекающийся, но, на мой взгляд, никогда ничем не умел дорожить.

— Слышала, что сначала у них были замечательные отношения, но потом они разладились.

— Да, действительно, их последние годы были сложными. Вероятно, тогда что-то произошло, и это мешало взаимопониманию. Прежде всего потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Постоянно старался подчеркнуть свою значимость и часто не совсем деликатно любил повторять: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки». Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Но женского счастья он маме не дал. Другое дело, что она всегда довольствовалась тем, что имела. Оптимисткой была! Всему отдавалась без остатка. И очень любила жизнь.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА С.П. ФУРЦЕВОЙ

— Откуда же тогда эти попытки покончить жизнь самоубийством? Последняя из двух закончилась трагически. Все до сих пор убеждены, что ваша мама свела счеты с жизнью с помощью цианистого калия.

— У меня есть официальное свидетельство врачей, где сказано, что смерть была вызвана сердечной недостаточностью. Этот вопрос со мной обсуждать сложно... Я знаю то, что знают и все остальные. Конечно, можно выстраивать различные версии, особенно по аналогии с шестидесятым первым годом. (Тогда Хрущев вывел Фурцеву из Политбюро, и она пыталась покончить жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. К счастью, эта попытка не была смертельно опасной. Фурцеву спасли. В той же больнице на Грановского ей помогли справиться и с сильнейшим нервным стрессом. — И.М.) Мы с мамой никогда не касались этой темы, но я уверена, что причиной расстаться в шестидесятом первом с жизнью было не честолюбие, как некоторые сейчас представляют, а глубокая обида от предательства человека, которому она верила... Но в семьдесят четвертом году, осенью, пик переживаний в маминой жизни уже прошел. Я, конечно, могу иметь свое мнение на этот счет. Но никакой достоверной и серьезной информацией об отравлении на сегодняшний день не располагаю.

— Памятником маме занимались вы?

— Конечно. Фирюбин уже на вторую неделю после смерти мамы снова женился и все связанное с ней сразу же от себя отстранил. Хотя и прожил с мамой целых двадцать лет. Я уж не говорю о материальной стороне, но он имел больше возможностей достать белый мрамор, из которого я задумала сделать надгробие. Мне же это стоило такого труда! Хорошо, Кербель помог. И белый мрамор достал, и горельеф сделал... Если что еще надо было, он брал телефонную трубку, представлялся: «Академик Кербель говорит!» — и все сразу было сделано. Я к нему до сих пор питаю самые теплые чувства.

— Ближайшая подруга Екатерины Алексеевны Надя Леже тоже делала для вашей мамы памятник?

— Это не совсем так. Вы, очевидно, имеете в виду две мозаики — портреты мамы работы Нади Леже. Но обе они были сделаны еще при жизни мамы и никакого отношения к памятнику не имеют.

— После истории с дачей, которая, по слухам, была построена по вашему настоянию буквально накануне смерти Екатерины Алексеевны, ей вернули те двадцать пять тысяч, что она заплатила за строительство. Как она ими распорядилась?

— Эти деньги мы собирали все вместе. Мой муж получил гонорар за свой сценарий и переводы, я — за свою книгу. Мы продали машину. То есть эти двадцать пять тысяч у нас были. Разве мы не имели права на собственную дачу? Думаю, да. Но мама была совершенно другим человеком. Для нее очень важно было общественное мнение.

Когда начался весь этот бум — мол, залезли в карман государству, она попросила только об одном: дайте возможность создать комиссию и объяснить, кто виноват — строители или заказчик. Комиссию, конечно, не создали, потому что Кириленко важен был сам прецедент. Маме объявили выговор, а дачу — совершенно незаконно — постановили отобрать. И вот когда деньги нам вернули, мы положили их на сберкнижку. Мама сразу же сделала завешание. Хотела быть спокойной за то, что, когда ее не будет, эти деньги достанутся нам. В последние годы она знала, что после ее смерти в квартиру на Алексея Толстого, где они жили с Фирюбиным, я не войду. Так оно и случилось.

Не знаю, может быть, я и хотела бы выкупить нашу дачу и по закону имела право это сделать. Ведь каждая мелочь там для нас с мужем была с чем-то связана. Однако после всего пережитого для меня это так непросто...

Наверное, будь Екатерина Алексеевна жива, она полностью согласилась бы с дочерью. Слишком многого стоил ей этот небольшой загородный домик, в котором вопреки молве ничего роскошного-то и не было. Унизительные вызовы на ковер, предложение сдать партийный билет, злые выпады коллег... Начало краха ее карьеры... И — конец жизни. ■

Старший сын Андропова

Юрий Андропов скончался 9 февраля 1984 года. Вскоре после смерти Центральное телевидение показало объемный документальный фильм о Юрии Владимировиче. И только одно осталось для зрителей тайной за семью печатями: первый брак Андропова, от которого у него были дочь Евгения и сын Владимир. Но в те времена личная жизнь партийных небожителей охранялась похлеще государственных секретов.

Олег БЛОЦКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

ТИРАСПОЛЬ. ВЕСНА 1963 ГОДА

Именно в это самое время во дворе тираспольской швейной фабрики совершенно случайно столкнулись два человека.

Высокий, слегка сутулящийся парень замедлил шаг, взгляделся в идущего навстречу и радостно закричал:

— Жид, здорово!!

Шедший блатной походочкой поднял глаза, и его лицо расплылось в улыбке.

— Студент, привет! Ты что здесь делаешь?

— Приехал перевоспитываться!!

— А меня уже перевоспитывают! — радостно ответил местный «уркаган» и заключил собеседника в объятия.

И если Жида все знали в миру как известного тираспольского вора-карманника по фамилии Блехер, то высокий красивый парень им был совершенно неизвестен. А зря!

Добровольно приехавшего на «переводку» звали Владимир Юрьевич Андропов, отец которого в это самое время трудился в Москве в должности заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Параллельно с этим Юрий Владимирович исполнял обязанности и секретаря ЦК КПСС.

ВЕХИ БИОГРАФИИ

Юрий Владимирович родился 15 июня 1914 года на станции Нагутская нынешнего Ставропольского края. Его отец был железнодорожным телеграфистом. В 1919 году он умирает от сыпного тифа. Еще через 10 лет мама Юрия Владимировича, Евгения Карловна Файнштейн, умирает от туберкулеза.

В 1932 году Юрий Владимирович поступает в рыбинский техникум водного транспорта, который оканчивает через четыре года.

В возрасте 22 лет Андропов женится на выпускнице своего же техникума Нине Ивановне Енгальцевой. В 37-м у молодой четы появляется первенец — дочка Евгения.

В марте 40-го рождается сын Владимир. К этому времени Юрий Владимирович уже первый секретарь Ярославского обкома ЛКСМ, и партия бросает его на новую должность — первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР в провинциальном городишке Петрозаводск.

Некоторые биографы Юрия Владимировича, говоря о его втором браке с Татьяной Филипповой, утверждают, что роман между ними зародился в 1939 году еще в Ярославле и, мол, Андропов, уезжая к новому месту работы, уже знал, что с прежней женой жить не станет.

Однако есть и другое мнение: Нина Ивановна отказалась следовать за мужем в Петрозаводск. Причина и банальна, и чрезвычайно важна — неустроенный быт на новом месте, а также двое малолетних детей на руках.

В ЦЕНТРЕ — ЮРИЙ АНДРОПОВ

Но факт в любом случае остается фактом: в предгрозовом 1940 году судьбы супругов резко расходятся и дети остаются сиротами при живом отце.

ТИРАСПОЛЬ — ГРЕБЕНИКИ

Поиски следов Владимира Андропова привели сначала в город Бендеры, а затем и в Тирасполь — столицу непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Официальные и неофициальные лица выслушивали внимательно и практически сразу подтверждали: «Да, жил здесь. Работал. Умер молодым». Постепенно выяснялось, что Владимир Юрьевич не только работал в Тирасполе, но там и женился.

Через посредников вышел на его бывшую жену — Марию Иосифовну, и они договорились о встрече, на которую женщина охотно согласилась. На следующий день вдова Андропова... исчезла.

Когда стало окончательно ясно, что не в телефоне дело, пришлось отыскивать домашний адрес Андроповой, ехать туда и общаться с соседями. Те подтвердили, что Мария Иосифовна несколько дней назад

внезапно уехала на дачу, которая находится на... украинской территории.

Гребеники оказались не просто большой деревней, а огромнейшим селом, где сельсовет был привычно на замке по причине страды, а людей на улицах — считанные единицы, и все больше — детвора. Однако возле почты сидели селянки, у которых я и спросил про женщину из Тирасполя по фамилии Андропова. Приветливые бабушки немного подумали и назвали адрес.

Мария Иосифовна оказалась невысокой женщиной лет пятидесяти пяти на вид. Всю жизнь она проработала на фабрике, и именитое родство никак не сказалось ни на ее материальном положении, ни на социальном.

Удивительно, но даже во двор она не пригласила войти, что по деревенским меркам считается делом почти неслыханным. Так и стояли мы с ней за забором более часа под палящим украинским солнцем.

Мария Иосифовна говорить о Владимире Юрьевиче отказалась. Единственное, что постоянно повторяла Андропова: «Он был очень хорошим человеком. Он был добрым человеком, через что и пострадал».

Вернувшись в Москву, я разыскал телефон Евгении Юрьевны, старшей сестры Володи Андропова, которая живет в Ярославле. Ее судьба в отличие от жизни брата сложилась довольно-таки удачно: окончила медицинский институт, работала врачом-дерматологом в Ярославле, вышла замуж, родила сыновей. Сейчас Евгения Юрьевна на пенсии. Но и она отказалась что-либо говорить о брате. Причина известная: журналисты все переврут.

Видимо, подобной точки зрения придерживается и Владимир Александрович Крючков, который прошагал с Юрием Владимировичем Андроповым около четверти века и многое знал из жизни этого человека. Бывший шеф КГБ, подтвердив факт того, что у Андропова был старший сын, напрочь отказался разговаривать на эту тему.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕЛА АНДРОПОВА

Шеф всесильного МГБ Приднестровья — правопреемника бывшего КГБ — генерал Антофеев выслушал меня, а затем рас-

строил, сказав, что в их архивах документов, касающихся пребывания Владимира Андропова в Тирасполе, а также его смерти в Бендерах, нет. Это совершенно точно, потому что он, Антюфеев, давал поручение своим сотрудникам после нашего с ним телефонного разговора разобраться с этим вопросом. А так да, Владимир Андропов жил в Тирасполе, а до этого был судим дважды.

Признаться честно, я не поверил Антюфееву, что в его службе нет никаких бумаг на Андропова. И... ошибся. Оказывается, чекист сказал сущую правду.

— Он у нас работает не так давно, — ответил на мои сетования по поводу безрезультатной встречи с шефом МГБ один из высокопоставленных чиновников Приднестровья. — И может не знать, что в 1982 году все документы, касающиеся Владимира Андропова, были в срочном порядке вывезены в Москву. А там, судя по всему, они были уничтожены. Вспомни то время: в партии шла борьба за власть, Юрий Андропов был одним из главнейших претендентов на нее. Зачем ему какие-то нежелательные свидетельства, которые могут быть использованы против него недоброжелателями?

Во все времена в СССР и России существовали группировки и кланы, которые постоянно подсиживали друг друга. Компромат был нужен всегда. А если он касался дел потаенных и личных, то становился и вовсе бесценным. Не важно, кто именно будет в чем-то замешан: дочь, сын, зять, невестка, сноха. Главное — грязь, и побольше.

В мае 1982 года Юрий Андропов избирается секретарем ЦК КПСС и уходит с должности председателя КГБ, которую занимал в течение 15 лет. Видимо, в это самое время осторожный Юрий Владимирович и затребовал все дела на сына из тираспольского КГБ в Москву. Ведь неизвестно, кто займет пост председателя и что он может предпринять в свете обостряющейся борьбы за власть.

В принципе все так и получилось. Шефом КГБ СССР стал Федорчук. Мягко говоря, далеко не товарищ Юрию Владимировичу.

Тот факт, что дела на Владимира Андропова были, но исчезли, подтвердила и его вдова, видимо, и сама не обратив на это внимания.

Когда я сказал Марии Иосифовне, что ходил в МГБ по поводу негласных дел на ее мужа, женщина вспыхнула и моментально выпалила: «Ну и что вы туда ходили? Там ведь все равно уже ничего нет!!»

ТИРАСПОЛЬ – БЕНДЕРЫ

Владимир Андропов попал в Тирасполь случайно. На местной швейной фабрике ее директор Валентина Соловьева организовала некое движение по возвращению бывших эзков к нормальной трудовой жизни.

Система перевоспитания бывших «уроков» работала, в принципе, без сбоев. Вчерашние эзки приезжали на фабрику, получали работу, жилье и принимались трудиться. Особых ловчил и проходимцев не было.

Валентина Сергеевна утверждает, что даже когда Андропов устроился на работу, она не знала, чьим он сыном является. Мол, Володя своим родством нигде не кичился и вел себя крайне скромно. По словам Соловьевой, о том, что «это сын большого начальника в Москве», она узнала от соседа Андропова по комнате в общежитии. Сосед, кстати, до «перековки» был «медвежатником» — специалистом по взлому сейфов.

Правда, злые языки в Тирасполе утверждают, что директор фабрики прекрасно знала, чьим на самом деле сыном является новый работник, и всячески его привечала на новом месте, чтобы в дальнейшем использовать эти связи. Однако эти же самые злые языки в продолжение темы почему-то говорили, что никаких привилегий у Владимира Юрьевича не было.

Есть и третья версия появления Андропова в Тирасполе. Путешествуя по Союзу, Владимир заехал в Кишинев в

ЕВГЕНИЯ И ВЛАДИМИР, ДЕТИ АНДРОПОВА ОТ ПЕРВОГО БРАКА

гости к Бодюлу — первому секретарю ЦК Компартии Молдавии. И добрейший Иван Иванович, большой друг Юрия Владимировича, порекомендовал Володе отправиться в Тирасполь к Соловьевой.

Как бы там ни было, но Владимир устроился на работу в механический цех простым слесарем и очень быстро сошелся с коллективом.

О себе Андропов особенно не распространялся, но по повадкам и манерам окружающим было видно, что парень явно с «блатной» биографией. Особенно это четко проявлялось, когда Володя брал в руки гитару. Лагерный «шансон» был преобладающим в его пении.

Надо сказать, что Владимир Юрьевич прекрасно пел, и поэтому друзья по бригаде частенько говорили ему во время работы: «Володь, ты лучше спой, а мы тут сами как-нибудь разберемся». Тем более что бригада была на подраде и сама распределяла между собой заработанные деньги.

Те люди, которые знали и отца, и сына, утверждают, что Владимир был прямо-таки копией родителя. Он походил на него всем: фигурой, походкой, легкой сутуловатостью, голубыми глазами. Лишь волосы у Володи были русыми.

Кроме этого, старшему сыну Андропова передалось от отца его умение петь (а Юрий Владимирович очень хорошо пел сам и прекрасно разбирался в музыке — недаром Евгений Карловна была ее преподавателем), увлечение книгами и страсть к стихотворному изложению собственных мыслей на бумаге.

Лишь в одном они расходились: Юрий Владимирович был человеком осторожным и даже скрытным, а у Владимира Юрьевича — душа нараспашку. Может быть, именно через это он и попал дважды в тюрьму за карманные кражи. Первый раз это произошло, когда Володе было 17 лет.

Сам Андропов объяснял свой путь по этой дорожке тем, что в детстве родители его периодически отдавали в детские военно-учебные заведения: Суворовское — в Москве и Нахимовское — в Ленинграде. Ни там, ни там свободолубивому Володе не нравилось. И он оттуда сбежал. Но оказывался в Ярославле не сразу, наслаждаясь некоторое время свободой.

Вот в одном из таких длительных путешествий вместе с ребятами, которых никто и нигде не ждал, он и сошелся с «урками». А, как известно, в юношестве воровская романтика наиболее привле-

кательна. Тогда же он и стал карманником.

Юрий Владимирович, безусловно, был в курсе происходящего, переживая за сына, но лично и настойчиво в его судьбу не вмешивался. Как осторожный политик, он все предпочитал делать руками своих помощников.

По крайней мере, свидетели утверждают, что в ЦК партии была некая Нонна, которая, собственно, и занималась тем, что вытаскивала Володю из всех неприятных историй. Во многие из них Андропов-младший попадал с подачи своих друзей-шалопаяв. Те прекрасно понимали, что в случае чего «отмазывать» от тюрьмы будут не только «сына начальника», но и их — подельников.

Именно это — внешнее невмешательство — отметила и Валентина Соловьева, которая после Володиного трудоустройства встречалась в Москве и с Юрием Владимировичем, и с Татьяной Филипповной.

«Принял он меня в ЦК сразу, — рассказывает Валентина Сергеевна. — Конечно, был расстроен, когда зашла речь о сыне. Я сказала, что Володя практически раздет, а уже надвигается зима, и ему необходимы теплые вещи. Договорились, что Юрий Владимирович будет высылать по 40 рублей ежемесячно на фабричный комитет. Потом он пригласил меня к себе домой. Он жил на Кутузовском. Напротив была квартира Брежнева. Там я познакомилась с Татьяной Филипповной. По всему было видно, что она мужа очень любит и страдает, когда что-то доставляет ему неприятности. Поэтому разговаривали преимущественно с ней. Татьяна Филипповна передала подарки Володе. Так она поступала и в дальнейшем».

В 1964 году Володя женился на работнице фабрики. Справили комсомольскую свадьбу, и молодые зажили в комнате в общежитии. О том, чтобы дать квартиру, речи не было и быть не могло. Также она не возникала и через год, когда у четырех Андроповых родилась дочка Евгения.

Все круто изменилось в 1967 году. Именно тогда председателем КГБ стал Юрий Андропов. Тираспольские чекисты моментально сориентировались в обстановке и тут же взяли Володю под свое крыло, выделив двухкомнатную квартиру.

Самое интересное, что происходило это не по приказу сверху, а исключительно из проницательности. Тем более что

Юрий Владимирович в личных делах был человеком щепетильным и никогда бы не распорядился насчет того, чтобы его сыну помогли с жильем или же получше трудоустроили.

Таким образом, новое назначение Юрия Владимировича сыграло недобрую шутку с его сыном.

Всем известно, каким влиянием и мощью в Союзе обладали в то время комитетчики. А теперь представьте 27-летнего парня, перед которым местные гэбэшники чуть ли не по команде «смирно» ходят. У кого угодно голова закружится.

Говорят, что именно с этого самого времени начал Владимир Юрьевич выпивать. С фабрики он ушел, благо теперь его трудоустройством стала заниматься более значимая организация.

Тем не менее чекисты вспоминают, что был Владимир Юрьевич необычайно добрым и чистым внутренне человеком.

Говорят, что именно таких Бог забирает в первую очередь.

Скончался Владимир Андропов в начале июня 1975 года в Бендерах от цирроза печени. Было ему от роду 35 лет 3 месяца и 1 день.

Умирал Владимир Юрьевич очень тяжело. Очень хотел, чтобы к нему приехал его родной отец. Юрий Владимирович не появился ни на похоронах, ни после них. Правда, местные чекисты все организовали должным образом.

ПЕЧАЛЬНЫЙ, ПЕЧАЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

— Ладно, — сказал я Марии Иосифовне под палящим солнцем в деревне Гребеники. — Укажите, где точно могила Владимира Юрьевича. Я знаю, что похоронен он в Бендерах.

— Не скажу, — ответила вдова. — А вообще-то, никто не знает, где похоронен Володя. Об этом знали Юрий Владимирович и я, а теперь — мы с дочкой. Не найдете вы его могилы.

«Бред какой-то», — подумал я и отправился впоследствии на Бендерское городское кладбище.

Могилы Владимира Юрьевича я там так и не нашел. Был человек и весь вышел. Даже могильную плиту спрятали. А что КГБ когда-то спрятал, то это, как ни крути, сегодня не найдешь.

Интересно другое: кому, даже после смерти, мог мешать Владимир Андропов, сын одного из влиятельных людей Советского Союза?

Кровавые мальчики

427 лет назад в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий. Следствие по этому делу продолжается до сих пор...

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Если быть точным, у Ивана Грозного было два сына Дмитрия. Один родился в браке с первой, любимой женой Анастасией Романовной, и этот царевич был законный наследник престола. После покорения Казани царь тяжело заболел: думали, не встанет. Он даже повелел присягать младенцу-царевичу. Не все бояре и родственники согласились целовать крест на верность Дмитрию, у постели больного царя начались раздоры. Иван все-таки выздоровел, но с тех пор его недоверие к боярам переросло в постоянную подозрительность. После выздоровления царь отправился в паломничество по монастырям, захватив с собой жену и сына. Часть пути плыли на стругах. Церемониал требовал, чтобы царевича несли на руках мамка, а ее поддерживали под руки двое бояр. Однажды вся группа взойшла на шаткие сходы и рухнула в воду. Взрослые только вымокли, а ребенок захлебнулся. По другим сведениям, Дмитрий простудился в пути и умер.

Уже в конце первого брака царь распутничал, по словам летописца, «нача царь яр быти и прелюбодействен зело», сам же он похвалялся, что испортил тысячу дев. После Анастасии у Ивана Васильевича было еще шесть жен, одни рано умерли, другие были насильно пострижены и отправлены в удаленные монастыри, двое вообще исчезли бесследно. Седьмой, последней супругой царя стала Мария Федоровна Нагая.

От этого брака и родился 19 октября 1582 года царевич Дмитрий, несчастный уже с зачатия. Во-первых, Русская православная церковь освящала только три брака, последующие считались безбожными, а рожденные в них дети — незаконнорожденными. Во-вторых, царевич Дмитрий нес в себе наследственный недуг: уже в детстве проявилась эпилепсия — падучая, или черная болезнь, как тогда говорили. Вдобавок обычные эпилептические припадки с судорогами и потерей сознания чередовались у Дмитрия с так называемыми эквивалентами припадков — внезапно наступающими приступами злобности и буйства. Во время одного такого приступа он поранил собственную мать свайкой — железным колышком для игры в «тычку» (в ножички), в другой раз покусал дочь одного из родственников Нагих, да так, что девочку едва отняли от него.

Иван Грозный заболел. У смертного одра бушевали страсти: бояре стремились повлиять на последнюю волю государя. Победил Борис Годунов, лишь недавно получивший боярство. Он добился передачи престола Федору Ивановичу и назначения при нем опекунского совета, в который вошел и сам. Одновременно умирающий царь решил судьбу царицы, младшего царевича и семьи Нагих: назначил Дмитрию в удел город Углич — последнее на Руси удельное княжество.

Той же ночью царевич Дмитрий, его мать, братья и дядя были отправлены в Углич — с многочисленной прислугой и собственным двором, словом, «с великой честью». Но тайно. В сопровождении двух сотен стрельцов.

В ССЫЛКЕ

Углич и угличане славились независимым характером и верностью своим князьям. Они самоотверженно вставали на сторону своих правителей в их борьбе с московской властью. Вот и теперь угличане радушно встретили царевича Дмитрия, царицу Марию и ее родственников. Но сами Нагие считали себя не правителями удельного княжества, а ссыльными. Царевич Дмитрий слышал разговоры взрослых: они бранили его распутно-

Икона с житием святого благоверного царевича Дмитрия (XVIII век)

го, безумного отца, осуждали безвольного старшего брата — царя Федора, а в особенности ругали боярина Бориса Годунова, фактически правившего государством.

Из Москвы в Углич был прислан дьяк Михаил Битяговский для управления хозяйством и вообще для присмотра за Нагими. С Битяговским-старшим приехали сын Данила, племянник Никита Качалов и несколько писцов-чиновников. Царица Мария и старшие Нагие отнеслись к присутствию столичного чиновника как к неизбежному злу. Но вот братья царицы, Михаил и Григорий Нагие, постоянно ругались с дьяком, чаще всего из-за денег.

Эпилептические припадки у царевича Дмитрия стали регулярными. За ним постоянно приглядывали мамка (главная нянька), кормилица (просто нянька) и кто-то из родственников, часто сама царица. Но, как говорится, у семи нянек...

Весной 1591 года царевич Дмитрий пережил несколько эпилептических припадков. К середине мая болезнь как будто отступила. Пятнадцатого мая царица сводила мальчика к обедне, а потом отпустила поиграть со сверстниками из двора. Его сопровождали мамка Василиса Волохова и кормилица Мария Колобова. Дети играли в «тычку»: бросали нож-свайку в железное кольцо, положенное на землю. Вдруг у Дмитрия начался новый приступ. Как свидетельствовала Волохова, «пришла опять та же черная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да тут его

и не стало». Кормилица подхватила Дмитрия на руки, а мамка заголосила. На крик из двора выбежала царица. В гневе она начала колотить мамку поленом, выкрикивая, что она не уберет царевича, а сын ее Осип Волохов вместе с сыном Битяговского Даниилом и племянником Никитой Качаловым зарезали Дмитрия. Волохова умоляла рассудить дело по справедливости, но царица ее не слушала и продолжала избивать. В это время звонарь на колокольне, заметив что-то тревожное, ударил в набат, зазвонили и в другой церкви. В городе решили, что во дворце пожар. Первыми прибежали братья Нагие, Мария передала полено одному из них. Появился дядя царицы Андрей Александрович, он отнес тело царевича в церковь Спаса и был с ним «безотступно». Во дворе уже собрался возбужденный народ угличский. Обезумевшая мать и брат ее Михаил призывали угличан расправиться с уже названными злодеями, а теперь прибавили к ним еще дьяка Третьякова.

Началась настоящая резня. Челядь Нагих и угличане нашли и убили одного за другим отца и сына Битяговских и всех других обвиненных. Убили их слуг, которые пытались своими телами заслонить господ. Убили человека, который посмел надеть свою шапку на избитую и простоволосую мамку. Убили угличан, которые толковали, что губят безвинных людей напрасно... Три дня Углич был опьянен кровью и грабежами. Многие угличане бежали в окрестные леса. Люди Нагих развезли на телегах, оцепили город, чтобы весть о

происходящем не просочилась в Москву. Наконец, Нагие спохватились и принялись заматывать следы: велели слугам подложить ко всем убитым ножи, вымазанные куриной кровью.

На четвертый день из Москвы прибыла комиссия и сразу приступила к «обыску» — расследованию. Комиссию составил Борис Годунов, но сам устранился от дальнейшего участия в «деле царевича Дмитрия». Комиссия состояла из четырех человек, представлявших, так сказать, различные политические силы. Руководителя у следственной группы не было, но наибольшим авторитетом и влиянием пользовался князь Василий Шуйский. Он один из всей опальной фамилии был оставлен при дворе, правда, на всякий случай Годунов запретил ему жениться. Таким образом, Шуйский представлял в комиссии скрытую оппозицию. Окольничий Андрей Клешнин, наоборот, представлял администрацию Годунова. Дьяк Елизар Вылузгин был просто дотошный исполнитель. Митрополит Крутицкий Геласий представлял церковь.

Следствие работало в Угличе почти две недели, были опрошены сотни очевидцев. В ходе следствия Нагие отказались от первоначального утверждения, что царевич был убит, и стали говорить, как и многие другие, что мальчик сам закололся ножом во время припадка. Только Михаил Нагой, брат царицы, продолжал твердить: «Царевича зарезали», и не изменил показаний даже под пытками. Правда, он не был очевидцем самого события, да к тому же, как выяснилось, был в тот день пьян.

Результаты следствия доложили в Москве. Бориса Годунова в эти дни не было видно. Собравшись Собор и в присутствии царя Федора Ивановича постановил: смерть царевича приключилась Божьим судом; Нагие умышленно убили царевых людей и неповинных жителей Углича, в их действиях видна измена явная. Посему царица была пострижена в монахини под именем Марфы, Нагих сослали в дальние города; кого-то из угличан, повинных в убийствах, казнили, другим отрезали языки или бросили в темницы или сослали в Сибирь. Пострадал даже колокол, ударивший в набат: ему, как человеку, вырвали язык, отсекали ухо и сослали в Тобольск. Тамашний воевода долго размышлял, как ему записать вновь прибывшего ссыльного. Наконец, придумал так: «Первоссыльный неодоушевленный с Углича».

ПОГИБ? УБИТ? ПОДМЕНЕН?

Такова версия следствия, принятая официальной властью. Насколько она убедительна, судите сами. Но в таком качестве она продержалась чуть больше десяти лет.

Вторая версия — убийство царевича — родилась с первым криком несчастной матери. В общих чертах эта версия трактовала события следующим образом: Дмитрий мешал Годунову, и тот его «заказал». Организатором убийства был доверенный человек Годунова боярин Клешнин, а исполнителями злодейского приказа называли все того же Битяговского с родственниками. В число заговорщиков включали и мамку царевича Василису Волохову с сыном Осипом. Документальных подтверждений, естественно, эта версия не имеет, но ведь тайные разговоры вообще редко фиксируются в письменной форме. Надо только заметить, что эта версия содержит наибольшее число несутраженностей. Если это и было заказное убийство, то организовано оно было бездарно. Убийцы даже не пытались скрыться. И вообще, эта грубая акция не характерна для умного Годунова, не согласуется с обычным способом решения «кадрового вопроса»: сослать или насильно постричь, а потом потихоньку отравить либо удавить.

ЦЕРКОВЬ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ НА КРОВИ В
УГЛИЧСКОМ КРЕМЛЕ

При Самозванце вторая версия превратилась в третью: было, мол, покушение на убийство, но верные люди подменили царевича другим мальчиком, и Дмитрий чудесным образом спасся. «Лукавый царедворец» князь Шуйский то клялся перед народом, что царевич нечаянно закололся и помер, то целовал крест в том, что он скорее жив, чем мертв. Да и мать царевича, инокиня Марфа, то признавала Самозванца своим сыном, то отрекалась от своих слов.

После канонизации царевича Дмитрия при царе Василии Шуйском версия злодейского убийства окончательно оформилась в летописных сказаниях и стала официальной. В народном сознании она обрела фольклорные черты, как, например, в этой исторической песне:

Не лютая змея возвевалася,
Возвевалось лукавство великое.

Упало лукавство царю Дмитрию на белую грудь.

Убили же царя Дмитрия в гуляньях, на играх,

Убил же его Гришка Расстриженный,
Убимши его, сам на царство сел.

Все три версии находили поддержку у самых известных отечественных историков, но главенствующей оказывалась, разумеется, та, которую поддерживали государство и церковь.

Однажды сам великий наш историограф Н.М. Карамзин покусился на официальный миф. Перед выходом в свет десятого тома «Истории государства Российского» он с гордостью говорил историку М.П. Погодину: «Радуйтесь, Борис Годунов оправдан! Пора наконец снять с него несправедливую охулку». И вот десятый том в руках у Погодина, он с нетерпением находит страницы о трагедии в Угличе и... «Читаю и глазам не верю. Все навыворот тому, о чем сам он мне говорил с таким восхищением...»

Да, Карамзин изменил своим научным принципам. Почему? В одной из статей он объяснил это так: «Русскому патриоту хотелось бы сомневаться в сем злодеянии... Но что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторым образом святынею...»

И в наше время появляются новые версии гибели царевича Дмитрия. Новые трактовки основаны на неясностях, содержащихся в деле и в поведении некоторых фигур. Например, действительно странно ведет себя царица-мать! Ей бы биться белой лебедью над трупом единственного сына, а

она что делает? Охаживает поленом мамку, пока не выбивается из сил, затем передает оружие избиения брату. Каким-то чересчур буйным выглядит поведение Нагих, устроивших в Угличе «зачистку», в результате которой было убито 15 человек. А по сведениям англичанина Горсея, одних только детей погибло 30 душ! Отсюда делается вывод: Мария и Нагие отвлекали внимание, чтобы под шумок подменить царевича другим убитым мальчиком. Сам Дмитрий только поранился неопасно, и его в бессознательном состоянии унесли в дальние палаты дворца, а в церкви Спаса положили двойника, укрытого полотном. Подмена будто бы не была раскрыта потому, что царевича мало кто знал в лицо. А те, кто знал, были убиты. Московские следователи не видели царевича с раннего детства. Читателю предлагаются две, так сказать, подверсии: 1) внезапная импровизация клана Нагих в связи с удобным случаем и 2) заранее подготовленная тайная операция, заговор. Той же ночью Дмитрия увезли из Углича, начались его скитания по монастырям. Много лет спустя он появляется в Польше и... Далее эта версия плавно перетекает во вторую часть «Бориса Годунова» А.С.Пушкина.

Есть и более изобретательные версии, где количество убитых и спасенных мальчиков удваивается.

Конечно, дело прошлое, дело темное, но не так уж чтобы слишком. Мальчик играл в ножички, у него начался приступ, он упал и поранился. Мамка и кормилица подняли крик. Выскочила испуганная мать, увидела, что рана на первый взгляд неопасная, а сам ребенок бьется в эпилептическом припадке («Долго бился», — рассказывала Волохова, это значит, что горло не было пробито или перерезано — тогда мальчик умер бы сразу). Царица и обрушилась на мамку, не доглядевшую за дитем, заодно обзывая убийцами всю ее семью и всех своих врагов.

Но рана, которую нанес себе мальчик, все же оказалась смертельно опасной — скорее всего, была повреждена артерия или вена. В этом случае происходит всасывание воздуха, судороги усиливают этот процесс, воздух поступает в сердце, блокируется кровообращение. Выражаясь медицинским языком, смерть наступила в результате воздушной эмболии сердца.

Братья Нагие прибежали на двор, когда все было кончено. Они решили, что Дмитрия уже не вернешь, а посчитаться с врагами ох как хотелось. Может быть, сначала-то они хотели просто подставить ненавистных чиновников, но уж больно руки чесались расправиться самим. Ну и пошло, и поехало! Вскоре ситуация вышла из-под контроля.

Заговор с целью подмены и последующего, через много лет, «воскресения» Дмитрия как реального претендента на престол — слишком замысловатый сценарий для клана Нагих. Если только не предположить, что ими руководил кто-то из Москвы. Такие сценарии и такие постановщики были. Но для осуществления своих планов они не нуждались ни в настоящем Дмитрии, ни в его семье. В сущности, гибель царевича всех устраивала.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

В русской, да и в мировой истории личность маленького царевича оказалась заслоненной фигурой Самозванца, Лжедмитрия. Это объяснимо — яркий характер, романтический сюжет... А царевич прожил всего-то девять лет и ничего не успел совершить. Но именно с гибели последнего по рождению Рюриковича царской крови начался отсчет Смутного времени.

И все-таки придется вспомнить кое-что о Самозванце, хотя бы потому, что он может быть единственным неоспоримым доказательством версии подмены царевича Дмитрия в Угличе.

...В самом начале 1598 года тихо скончался царь Федор Иванович, теперь уже действительно последний Рюрикович из царского рода. Трон без потрясений занял Борис Годунов. Во время венчания на царство он заявил патриарху: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». И затем, по-русски рванув рубаху на груди, обратился к присутствующим: «И эту последнюю разделю со всеми!» Отбросив некоторую театральность жеста, надо признать искреннее желание Бориса стать хорошим, может быть, лучшим царем для своих подданных. Самостоятельное правление Годунова началось значительными улучшениями и милостями. Строились новые города, хорошела Москва. Русская православная церковь впервые обрела своего патриарха. Но с началом нового века все вдруг переменялось. Возобновились опалы и казни.

А дело в том, что в Европе появился царевич Дмитрий, якобы чудом спасшийся от убийц. Все, кто встречался с ним, были единоклубны в одном: этот молодой человек искренне верил, что он царской крови, что он имеет право быть царем на Руси. Прибавьте к этому царственную осанку, необыкновенное достоинство во всяком движении и обхождении, склонность к благородным занятиям, наукам и искусствам, воинскую доблесть, страстную любовь к верховой езде и охоте...

Правительство Годунова сразу отождествило этот призрак с беглым монахом-расстригой Григорием Отрепьевым и потребовало у Польши его выдачи. Но документ об Отрепьеве составлялся второпях, в нем оказалось много неточностей. Поэтому сторонники Самозванца тогда и сторонники его подлинности сейчас твердят: возродившийся Дмитрий это один человек, а Гришка Отрепьев — другой.

Итак, их уже двое, призраков Дмитрия, погибшего в Угличе больше десяти лет назад. В лагере Самозванца уже на русской стороне появился и Григорий Отрепьев собственной персоной. Они пообщались, потом Отрепьев выпал из поля зрения историков. Но, возможно, это был пропагандистский трюк Самозванца-Отрепьева: он вдохновенно играл роль царевича Дмитрия, а его собственную, как полагают, исполнил монах Леонид.

НЕ ДМИТРИЙ, НО СЫН ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Есть такое замечательное русское выражение: «Митькой звали!» Значит, был — и нету. Интересно, что персонаж исчез безвозвратно, а имя осталось. Считают, что это имя Лжедмитрия накрепко засело в народной памяти. А может, все-таки под этой маской скрывался Отрепьев?

Звали его на самом деле Юшка Отрепьев, Григорием он стал уже в монастыре. Отец его (настоящий или приемный) Богдан Отрепьев был незнатным дворянином. В юности Юшка служил у бояр Романовых, но вскоре Романовы были объявлены заговорщиками, обвинены в намерении «достать царство» и отравить Бориса Годунова. Братья Романовы были схвачены и сосланы, а Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета. Боярских слуг, защищавших своих господ, пытали и казнили. Отрепьев скрылся и постригся в монахи под именем Григория. Затем перебрался в Москву, в Чудов монастырь, там его способности заметил сам Патриарх Иов, сделал его переписчиком, а затем посвятил в диаконы, взял к себе на двор для книжного письма. Затем Григорий был замечен в распутном поведении и воровстве (в тогдашнем значении «воровство» понималось как государственное преступление) и бежал в Киев. Там служил некоторое время дьяконом, потом окончательно оставил монашество, познакомился с католическим вероучением и с чернокнижием. Его преследовали, он бежал и в конце концов объявился в Польше.

Что ж, если Юшка-Григорий служил у Романовых, то он мог получить и некоторое образование, и навыки достойного обхождения. А что, если Романовы — самые сильные оппозиционеры Годунову — специально готовили Отрепьева для каких-то своих дальних целей? А что, если Юшка-Григорий действительно царской крови — один из десятков или сотен внебрачных детей Ивана Грозного, отданный на воспитание Богдану Отрепьеву? Тогда становятся понятны царственное поведение Самозванца и его абсолютная уверенность в своем праве на престол: ну не Дмитрий, но тоже сын Ивана Грозного!

Подтвердить эту догадку сложно (заговоры не протоколируются), но кое-что служит ей основанием. Когда Годунов узнал, что в Польше объявился Лжедмитрий, он закричал боярам: «Самозванец — это ваших рук дело!» И еще: когда Лжедмитрий уже выступил в поход на Москву, из Сийского монастыря поступил донос на старца Филарета (в миру Романова): он, мол, веселится, на монахов лается, рассказывает, как он славно прежде жил, и говорит при этом: «Увидите, каков я впредь буду!» Видно, добрые вести получил старец с «воли»: замысел его близок к воплощению, грядет освобождение и возвышение.

Наконец, остается главный вопрос: мог ли быть Самозванец истинным царевичем Дмитрием? Руководствуясь здравым смыслом, зададим себе простой вопрос: мог ли больной эпилепсией, притом в довольно тяжелой форме, излечиться сам собою? А между тем у Самозванца ничего похожего не наблюдалось. И вообще он был на редкость здоровым и выносливым человеком. Исцеление без специального лечения (а какое уж там лечение в России в конце XVI века) можно рассматривать только как чудо. И кроме того, эпилептик это не только припадки, это еще и особый характер — мнительный, мстительный, тяжелый. Можно вылечиться от приступов эпилепсии, но характер эпилептика не меняется. А Самозванец хоть и был авантюристом высшей пробы, но злобы, подозрительности и мстительности в его поступках не было.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

И все-таки в этой истории много мистического. Еще в бытность Самозванца царем на Москве люди заговаривали о том, что он околдовал их. Когда же москвичи наконец расправились с Самозванцем, стали происходить странные события. Ночью над не погребенным телом Самозванца видели мерцающие огоньки, слышали пение и звуки бубна. «Бесы расстригу славят!» — говорили москвичи. Тело отвезли за Серпуховскую заставу и бросили в яму, где хоронили бродяг и нищих. Наутро тело оказалось у ворот богадельни, а возле него бродили два голубя, которые никак не хотели улетать. Тогда его закопали поглубже, но через неделю труп нашли лежащим на другом кладбище. «Земля его не принимает!» — передавали из уст в уста. Решено было сжечь труп, но и огонь не брал его. Останками Самозванца зарыли пушку и выстрелили в сторону запада, откуда он пришел. Вот уж действительно: «Митькой звали!»

Святой благоверный царевич Дмитрий Угличский был канонизирован в 1606 году. Его мощи обречены нетленными и торжественно доставлены в Москву. Сохранились воспоминания нескольких иностранцев, описавших тело царевича. После пятнадцати лет после погребения, пишет один из них, оно выглядело «столь же свежим, как если бы его только что положили в гроб». Другой свидетельствовал, что сохранилось не только тело, но и одежда, и сам гроб, и даже орешки, которые царевич будто бы держал в руке, когда вышел во двор, где его поджидали убийцы. Третий очевидец добавил красноречивую деталь: платье и орешки в руке царевича были испачканы свежей (!) кровью.

И это последняя тайна, связанная с именем царевича Дмитрия: кто лежал в том гробу?

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№1(142) от 16.01.2018
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Тел./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО «Укрполиграфмедиа».

© «Совершенно секретно-Украина», 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Укрполиграфмедиа», 04080,
г. Киев, ул. Фрунзе, 104А.
Тираж: 40000 экз. Заказ № 50-001

№ 1/344
ЯНВАРЬ 2018

...судья не вынесет незаконного решения

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЕНОВ И АРТЕМ БОРОВИК. ИЗДАЕТСЯ

АГРЕССОР 10

ОКУПАЦИЯ СИРИИ

ЭКОНОМИКА 4

ЗА 10 000 ДНЕЙ ДО СИНГУЛЯРНОСТИ

СТРАНА 14

ПОДАТКОВА МІЛІЦІЯ

ШОУ ПРОДОЛЖИТСЯ

КУЛЬТ УРА 18

СУДЬБА ЖЕНЫ РЕЗИДЕНТА

ПРИВЕТ, НЕУДАЧНИКИ

ПРОДАЖЕ

В январском номере читайте:

- КАКИМ БУДЕТ 2018 ГОД ДЛЯ ЭКОНОМИКИ
- ДАСТ ЛИ ДЕНЬГИ МВФ
- РОССИЙСКИЕ ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В СИРИИ
- ШПИОНАЖ НА КОРОТКИХ ВОЛНАХ

Свидоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«История открытий»

дома!

на работе

на природе

РАДИО
ПЯТНИЦА

У НАС ВСЕГДА
ПЯТНИЦА!

Ретро FM

13 ФЕВРАЛЯ

ДРУЗЕЙ
Андерса

★★★
ВСТРЕЧА
СО ЗВЕЗДОЙ